

Пространство памяти

№ 1/2017

Историко-культурный
вестник
Северо-Запада

ПИЛОТНЫЙ ВЫПУСК

ОТ РЕДАКЦИИ

Северо-Запад – важнейшее территориально-культурное пространство Российской Федерации с богатейшим историческим наследием. К сожалению, до сих пор это пространство не стало единым информационным полем, по которому можно было бы составить общее представление о текущей деятельности по освоению, восстановлению и приумножению исторического наследия на Северо-Западе, хотя такая деятельность активно ведется во всех регионах СЗФО. Реализуются многочисленные проекты и инициативы, а в том числе с государственной поддержкой, но, к сожалению, большинство из них не получает известности за пределами своего региона; более того, нередко случается так, что какой-либо проект, потенциально способный стать «культурным локомотивом» не только регионального, но и федерального масштаба, осуществляется и остается известным исключительно на районном (даже не региональном!) уровне – или в пределах конкретной сферы интересов и занятий.

Подобное происходит, как представляется, во многом из-за того, что на Северо-Западе отсутствует общий информационный ресурс, контент которого охватывал бы территориально-культурный «ландшафт» этого пространства во всем обилии его форм – от существующих межрегиональных (и международных – в рамках приграничного сотрудничества)

проектов до локальных социально значимых инициатив, способных привлечь самые широкие слои населения при том условии, что об этих инициативах узнают за пределами не только профессионального сообщества (скажем, музейного), но и за пределами того или иного региона СЗФО. Издание, которое предлагается вашему вниманию, ставит своей задачей заполнить эту лакуну.

Безусловно, важнейшим фактором успеха является востребованность издания у читателей. Прежде чем приступить к подготовке номера, который вы читаете, редакция, скажем так, провела «зондирование почвы»: мы обсуждали идею и концепцию журнала с представителями той читательской аудитории и той профессиональной среды, которой журнал адресован. Чего скрывать – во многих беседах высказывались сомнения организационного характера, но ни один собеседник, будь то сотрудник региональной администрации или другой государственный служащий, директор музея, руководитель историко-культурного проекта или краевед-энтузиаст, не усомнился в целесообразности и нужности такого журнала. Многие, правда, сожалели, что журнал будет распространяться в электронном, а не в печатном виде, но, как говорится, лиха беда начало, и совсем не исключено, что в относительно скором будущем журнал «Пространство памяти» станет выходить на бумаге.

О чем этот журнал? Он посвящен в первую очередь новым и развивающимся инициативам и

проектам (локальным, региональным и окружным) в сферах патриотического воспитания, сохранения культурного и природного наследия, формирования, укрепления и развития историко-культурно-географических брендов, а также в сфере внутреннего туризма на территории Северо-Западного федерального округа.

Журнал видит своей задачей привлечение внимания государственных структур СЗФО к этим социально значимым инициативам и проектам, распространение информации о них в рамках заинтересованного профессионального сообщества, и намерен содействовать самоорганизации и координации усилий этого профессионального сообщества и становлению общего информационного пространства Северо-Запада в названных выше сферах. Основные темы материалов – современные музейные инициативы, восстановление и укрепление исторической памяти, патриотическое просвещение и воспитание, краеведение, брендинг территорий и внутренний туризм. Отдельная рубрика отведена «голосам с мест»: это действительно своего рода трибуна, с которой можно рассказать всему округу о проблемах на местах (а таких проблем хватает).

Столь амбициозные задачи невозможно реализовать в одиночку. Мы приглашаем к сотрудничеству всех, кого интересуют история и культура Северо-Запада России, кто хотел бы поделиться своим мнением, поkritиковать или похвалить, рассказать о местном проекте, по

каким-то причинам еще пока не получившем достойного освещения в прессе, но заслуживающем внимания коллег и государственных структур.

Адрес редакции: mag@patriacenter.ru.

Все номера журнала доступны для скачивания на официальных страницах в социальных сетях:

<https://vk.com/ppseverozapad>

<https://www.facebook.com/ppmagsz/>

ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ВЕСТНИК СЕВЕРО-ЗАПАДА

№ 1 / 2017

Издатель: АНО «ИКЦ «ПАТРИЯ»»
190020, СПб., наб. Обводного канала, 151
E-mail: mag@patriacenter.ru

Фотографии предоставлены авторами материалов

© Составление, АНО ИКЦ «Патрия», 2017
© Текст, фото, авторы, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СООБЩЕСТВО

ИРИНА И АЛЕКСАНДР МЕТЕЛКИНЫ. «ИСКРЕННО ЧУВСТВОВАТЬ И ПОСТУПАТЬ СООТВЕТСТВЕННО»	5
--	---

ТЕРРИТОРИЯ СЕВЕРО-ЗАПАД

КИРИЛЛ КОРОЛЕВ. «БУДУЩЕЕ ПРОШЕДШЕЕ ПРОДОЛЖЕННОЕ»: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ	11
--	----

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

АЛЕКСАНДР БАЛИЧЕВ, ВЛАДИМИР РАЗБИТНОЙ. «ГОВОРИТЬ С МОЛОДЫМИ НА ИХ ЯЗЫКЕ»	15
--	----

АКТУАЛЬНОСТЬ ИСТОРИИ

СЕРГЕЙ МАРКОВ. «КОБОНА - НАСТОЯЩАЯ СТОЛИЦА ДОРОГИ ЖИЗНИ»	25
--	----

БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИЙ

ЕКАТЕРИНА ШАДСКАЯ. «СЕРЕБРЯНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ РОССИИ» - УСПЕХ НЕИЗБЕЖЕН	33
---	----

КУЛЬТУРНАЯ ИНИЦИАТИВА

СТАНИСЛАВ НИЗОВ. КРАЕВЕДЕНИЕ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ - СЛОЖНЫЙ ПУТЬ К СЕБЕ	39
--	----

СВОИМИ СЛОВАМИ

ВЛАДИМИР БУДЬКО. ДЕНЬГИ ЕСТЬ, НО НЕ ПРО НАШУ ЧЕСТЬ	44
--	----

ИРИНА МЕТЕЛКИНА, АЛЕКСАНДР МЕТЕЛКИН (ВОЛОГДА)

«Искренно чувствовать и поступать соответственно»

Ирина Игоревна Метелкина – председатель Вологодского отделения Поискового движения России, председатель ВРОО «Вологодское объединение поисковиков».

Александр Юрьевич Метелкин – председатель Вологодского отделения Российского военно-исторического общества (РВИО).

Первый вопрос будет личным. Как то, чем вы сейчас занимаетесь, начиналось именно для вас?

А. М. Сегодняшняя моя деятельность состоит из многих направлений, которыми занимается РВИО, но в основе своей это поисковая работа и реконструкция. В поиск я впервые поехал в 2000 году, до этого были археологические экспедиции. Окончив институт (почему ранее не

получалось - не знаю, скорее всего, было недостаточно информации), я отправился со сводным вологодским отрядом в Калужскую область. Это что касается собственно поисковой деятельности. Реконструкция, да в принципе и поиск, выросли из моего увлечения военной историей – с 14 лет я собираю коллекцию солдатиков.

Почему реконструкция? Испытать на себе, что же чувствует в бою солдат, чтобы потом практически применить эти знания к поиску; рассказать людям через реконструкцию о подвиге советского солдата; содействовать сохранению исторической памяти.

И. М. Мой путь в поисковики, как я сейчас понимаю, был предопределен еще в детстве, тогда, когда я даже и не подозревала, что на полях боев еще лежат непохороненные солдаты. И ждут нас.

Мой любимый дедушка – участник Великой Отечественной войны, трижды прошедший через плен, вырастивший пятерых детей, в Книге Памяти считался пропавшим без вести. Его родные получили такое страшное известие в 1941 году, а вернулся он лишь в 1946-м. Именно из долгих разговоров с ним я узнала о войне, о боях, о плене, о солдатах, неизвестных солдатах. Эти наши беседы я до сих пор помню так, как будто состоялись они лишь вчера.

А потом в моей жизни появился еще один человек, которому захотелось подражать, – моя учительница истории, увлекавшая своим предметом весь класс. Именно она привила любовь «к науке о древностях» – археологии, которой я занимаюсь с шестого класса. Археология стала для меня мечтой, хотелось связать жизнь с ее изучением, поэтому после школы мой выбор был прост – исторический факультет, познакомивший меня со многими удивительными людьми, главный из которых – мой муж, который и открыл для меня поиск.

В поисковой работе объединилось для меня все важное, что было в жизни: память о войне, занятия археологией и семья.

Второй вопрос тоже персонального свойства: что ваша деятельность значит лично для вас?

А. М. Это, пожалуй, самый любимый вопрос журналистов, на который можно отвечать часами... но получается пафосно. А пафоса не хочется... Коротко же получается скомканно, но попробую. Для меня на сегодняшний день поиск – это неотъемлемая часть жизни, в которую вовлечены и моя семья (жена и двое детей), и брат со своей девушкой, и все мои друзья... Мы возвращаем солдат с войны, восстанавливаем историческую справедливость. Они больше не лежат под листвой в лесу, они погребены с отдаванием воинских и духовных почестей. Два мои деда пропали без вести, и надеюсь, когда-нибудь такие, как мы, их найдут – и они тоже вернутся домой.

И. М. Для меня поиск в целом и Вологодское объединение поисковиков в частности – жизнь. Здесь моя семья, мои друзья, мои коллеги. Эта жизнь наполнена событиями, встречами, радостью и переживаниями. Я счастлива, что в экспедициях вместе со мной – мои самые близкие люди – муж и дети. Ведь совместно пережитые эмоции – это лучшее средство для укрепления семьи. И наши дети уже не представляют своей жизни без экспедиций, предпочитая жизнь в палатке даже поездке на море.

Ну и, конечно, главная цель нашей работы – поиск солдат. Чувства, охватывающие каждого из нас в тот момент, когда мы находим солдата, не передать словами. Это радость и надежда, слезы и боль. А когда удастся найти родственников «своего» бойца, мы все, глядя им в глаза, понимаем, что работа, которую мы делаем, дело, которым мы все «больны», нужно не только нам.

Поисковое движение сегодня – это осознанный выбор, мода на патриотику, действия по указаниям сверху? Или что-то еще?

А. М. Поисковое движение – это только осознанный выбор. Если человек возвращается после первой экспедиции в «военный» лес – все, выбор сделан. Его будет тянуть туда, там все не так, как в городе. Честнее. Проще. Душевнее. Там не говорят про патриотику – там делают то, что должно, в холод, в сырость, в грязь... По указке сверху системно это делать не получится, денег за это не платят.

Естественно, есть и другая работа: архивы, поиск родственников, выставки – но, опять же, - в свое личное время и бесплатно. Без желания этого всего быть не может.

Пожалуй, наиболее заметная часть работы поисковых отрядов – это экспедиции «в поле», работа на местах прошлых боевых действий. А какие еще сферы деятельности охватывает поисковое движение?

И. М. Поисковое движение охватывает не только полевую работу, хотя она, конечно, основное направление. Но, кроме экспедиций, поиск – это изучение архивов с целью уточнения и восстановления картины боя, количества потерь на конкретном участке местности. Поиск – это помощь населению в поиске данных на родственников, погибших и пропавших без вести в годы войны. Это поиск утраченных захоронений и восстановление списков погибших.

Это уточнение Книг Памяти регионов России.

В последнее время поисковые отряды с нарастающей активностью занимаются патриотическим воспитанием молодежи, разрабатывая для этого специальные программы, создавая на базе поисковых отрядов детские и юношеские патриотические клубы, проводя уроки мужества, объясняя молодежи роль и значение подвига русского солдата, погибшего во имя свободы нашего Отечества.

Эффективная деятельность экспедиций невозможна без сотрудничества с органами власти. На каком уровне (муниципалы, местные власти, регионы, округ) это сотрудничество налажено лучше всего? И какие формы оно принимает?

А. М. Важна задействованность всех уровней власти. Начиная снизу. На плечах муниципалитетов лежит основная ответственность – именно они решают вопрос с погребением бойцов и благоустройством могил. Регионы решают вопросы финансирования.

Уже порядка 10 лет Вологодская область системно выделяет гранты поисковым организациям. Губернатор Вологодской области Олег Александрович Кувшинников трижды посещал экспедиции Вологодского объединения

поисковиков, в том числе два раза был в урочище Вороново Кировского района Ленинградской области. Не слышал, чтобы другие губернаторы ездили в лес в гости к поисковикам своего региона.

Что бы хотелось изменить к лучшему во взаимодействии с государственными структурами?

А. М. У Вологодского объединения поисковиков взаимодействие на сегодняшний день налажено. И в местах проведения работ, и в области. Если бы у всех уровней власти был нормальный бюджет на увековечение памяти павших в Великой Отечественной войне, работать было бы проще.

Вопрос географии и малой родины. Ваш поисковый отряд - вологодский; почему вы работаете в Ленобласти? Или Ленобластью география поиска не ограничивается?

И. М. Да, крупные экспедиции Вологодское объединение поисковиков проводит в Кировском районе Ленинградской области. Выбор места связан с тем, что именно здесь приняла свой первый бой 286-я стрелковая дивизия, сформированная на территории Вологодской области и состоявшая преимущественно из вологжан. Уже в первом бою в сентябре 1941 года эта дивизия потеряла пятую часть своего состава, штаб и командира. Практически все, погибшие в те дни, до сих пор числятся пропавшими без вести, то есть точное

место их гибели неизвестно. Мы изучаем местность, архивы, анализируем и совмещаем данные. Налажены контакты с местными поисковиками, органами власти. Да и от Вологды не так далеко.

Но мы работали также и в других районах Ленобласти, в Карелии, подо Ржевом, под Калугой. И свою область мы не забываем, это и упавшие самолеты, и Оштинская оборона – единственное место в Вологодской области, где велись боевые действия.

В широком восприятии поисковик – человек слегка не от мира сего, копается в урочищах и болотах, вместо того чтобы заниматься реальными делами. Каков вообще социальный состав поискового движения? Если коротко, кто эти люди?

А. М. А что, если не это – реальное дело? Ходить флагами махать на демонстрации? Люди в свой отпуск, за свои деньги едут в экспедиции – более реального дела, мне кажется, придумать невозможно. А едут все... Коммерсанты, прокуроры, дальнбойщики, учителя, пенсионеры, школьники, полицейские, студенты... Неважно, кто ты в обычной жизни.

И. М. Важно твое внутреннее ощущение причастности, необходимости внести свой вклад в увековечение памяти солдата. И эти чувства не зависят ни от возраста, ни от социального статуса. И приходят люди в поиск разными путями. Кто-то в ходе архивного

поиска своих родных приходит в поисковый отряд за сведениями, кто-то – приезжает навестить ребенка в экспедиции, кто-то видит сюжет по телевизору или статью в газете и целенаправленно нас ищет.

Много ли среди ваших коллег молодых? По-вашему, почему и зачем молодежь приходит в поиск?

А. М. На сегодняшний день в нашей организации порядка 200 человек. И две трети – это молодежь. Приходят они за тем же самым, о чем я сказал выше, ну еще «за туманом и за запахом тайги». Но вот что интересно – уже третий год на историческом факультете мы зимой ведем занятия по военной археологии, готовим людей в экспедицию – приходят и едут только девушки. Где мужчины – непонятно, в «танчики», наверное, играют... Жаль, что так, но как есть.

И. М. Но в то же время школьники очень активны. И вот здесь как раз мальчишки. Причем «с горящими глазами», готовые горы свернуть. Мне кажется, патриотическая активность молодежи напрямую зависит от нас, взрослых. Ведь патриотизм не заложен в генах, его не наследуют. Это приобретенное чувство.

Так вот, что молодежь видит, так она и воспринимает. А обмануть детей невозможно, нам самим нужно искренно чувствовать, и поступать соответственно. Те из школьников и студентов, кому посчастливилось иметь рядом взрослого – искреннего патриота, переняли его жизненный настрой. Помните старинную английскую поговорку: «Не воспитывайте своих

детей, все равно они будут похожи на вас. Воспитывайте себя». Вот на что сейчас нужно обратить внимание вместо громких лозунгов о патриотическом воспитании. А если изменимся мы – у детей не будет другого выбора.

Не секрет, что еще недавно между поисковиками и т.н. черными копателями ставили знак равенства. Подобное отношение сохранилось? Если да, для каких социальных групп оно наиболее характерно?

И. М. Знак равенства ставили лишь те люди, которые были далеки от поиска, не представлявшие, что это такое, либо столкнувшиеся на своем пути с недобросовестными поисковиками. Эти люди просто не вникали и не хотели вникать в суть поиска. Такое мнение встречается и сейчас. Но опять же, это те, кто не хочет знать о поиске. Им гораздо проще привести все к общему знаменателю и не думать больше об этом.

Как сами поисковики относятся к черным копателям? Можно ли сказать, что современная среда (движение) таких людей отторгает?

А. М. В любом деле и явлении большую роль играет человеческий фактор. И здесь нужно разобраться, чем отличаются черные копатели от официальных поисковиков. Во-первых, это юридический статус организации. Отряд может быть зарегистрирован и иметь всю необходимую документацию, либо это группа по интересам, в выходной день выезжающая в лес с определенной целью. Во-вторых, собственно

цель. У одних – это поиск и погребение солдат, у других – отыскание предметов и материальных ценностей с целью пополнения коллекций, продажи и пр.

В завершение два вопроса о деятельности Вологодского объединения поисковиков в прошлом году. Первый – о достижениях. Что удалось сделать и чем вы больше всего гордитесь из сделанного?

А. М. Нам удалось достичь очень важного успеха. Мы смогли закончить подъем летчиков из самолета Пе-2, потерпевшего крушение в 1943 году в Бабаевском районе Вологодской области. Неоценимую помощь в этом оказал депутат Законодательного собрания Вологодской области Станислав Станиславович Березин, предоставивший нам болотный экскаватор.

Четыре года, почти каждые выходные мы проводили на болоте. В общем итоге – 45 дней, более 150 человек приняли участие в экспедиции. Удалось установить имена всех летчиков, погибших в катастрофе, – 8 человек. У большинства найдены родные. У одного летчика даже оказался жив брат 1923 года рождения, все эти годы ждавший известия о брате. И дождавшийся.

И. М. Завершение этой экспедиции – событие, которое мы все ждали 4 года. Сказать, что было сложно – не сказать ничего. Первые три года наши ребята погружались в водолазном снаряжении в ледяную полынью, заполненную торфяной жижей, и на ощупь там, на

шестиметровой глубине, искали обломки самолета. Видеть, как на поверхность поднимаются густые черные пузыри и знать, что там, внизу, наш товарищ – зрелище, от которого кровь холодеет. А они делали это, каждый раз совершая подвиг во имя солдат.

Второй вопрос – а чего не удалось добиться? И почему?

А. М. Из запланированного мы все реализовали. Не сильно приблизились к созданию музея боевой и трудовой славы вологжан, но надо понимать, что сейчас сложные времена, кризис. Думаю, наше поступательное движение все-таки приведет к реализации нашей мечты.

Чего вы ждете от наступившего года и какие задачи хотели бы реализовать?

А. М. В основном, планы на будущий год у нас связаны с мемориальной работой. Это – большой памятник погибшим летчикам Пе-2 в с. Торопово Бабаевского района и памятник железнодорожникам, погибшим в 1941 году при бомбардировке разъезда Верхневольский. Еще одна глобальная цель – это музей, о котором я уже говорил.

Естественно, у нас весной состоится поисковая экспедиция «Вороново -2017», будем участвовать в экспедиции «Северо-Западный фронт» в Новгородской области, планируется экспедиция в район с. Ошты Вытегорского района. Не остановится и поиск самолетов на территории Вологодской области, наметки в этом направлении у нас уже есть.

К содержанию

КИРИЛЛ КОРОЛЕВ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

«Будущее прошедшее продолженное»:
историческая память на Северо-Западе

*Кирилл Михайлович Королев -
директор АНО Историко-
культурный центр «Патрия»*

Северо-Западный федеральный округ Российской Федерации – уникальная территориальная и историко-культурная локация на карте нашей страны. Долгая и насыщенная событиями история данного региона – это, в отличие от большинства остальных регионов РФ, во многом история России как таковая: начиная с древнейших времен, к которым восходят начала российской

государственности (Старая Ладога, Новгородская и Псковская торговые республики), и вплоть до Великой Отечественной войны, когда Северо-Запад оказывал героическое сопротивление врагу. Именно на Северо-Западе находятся столь значимые историко-культурно-географические бренды, как Санкт-Петербург, Великий Новгород, Псков, Вологда, Архангельск,

Калининград, Ивангород, Изборск, Гатчина и множество других. Если коротко, Северо-Запад можно назвать средоточием исторической памяти России, и это вряд ли будет преувеличением.

Последняя фраза требует пояснения. Сама научная концепция исторической (или коллективной) памяти, получившая достаточно широкое распространение в последние десятилетия, не имеет общепринятой формулировки; тем не менее, этим термином охотно пользуются политики и журналисты, причем едва ли не каждый вкладывает в данное словосочетание собственный смысл. Поэтому представляется необходимым кратко изложить теорию исторической памяти – благодаря чему станет понятной практическая применимость данной концепции и ее значимость для развития Северо-Западного региона.

Основоположник исследований коллективной памяти, французский ученый М. Хальбвакс трактовал историческую память (в широком значении термина) как взаимодействие людей между собой и с предметным миром вещей в «коллективных» времени и пространстве, то есть в социальном контексте; вообще, индивидуальная память невозможна, поскольку вне коллектива, вне сообщества, вне социума вспоминать попросту не о чем – ведь отсутствуют социальные «рамки», координаты, которые и позволяют нам вспоминать, как бы присваивая всякому событию прошлого собственный «идентификатор». При наличии таких «рамок» и при условии, что эти рамки являются или становятся общими для достаточно многочисленной группы, можно говорить о формировании исторической памяти в узком смысле, иначе – о возникновении (конструировании, если воспользоваться популярным термином общественных наук) коллективного представления о прошлом, разделяемого, в той или иной степени, основной частью этой группы.

Такое коллективное представление содержит не просто общее знание о прошлом, но знание, которое «окрашено» отношением коллектива (большей его части) к данному прошлому: минувшее перестает быть «тем, что

было – и прошло», наделяется ценностью, выступает как инструмент объединения группы, содействует оформлению групповой идентичности и приобретает значимость для настоящего и для будущего. В какой-то степени здесь, безусловно, присутствует коллективная интерпретация прошлого – восприятие прошлого не по принципу «как все было на самом деле», а по принципу «нам удобно (или нравится) считать, что было вот так». Причем подобная интерпретация вовсе не обязательно должна быть осознанной (или навязанной «сверху», что нередко ставят в вину этому и прочим проявлениям коллективного сознания). Сообщество использует прошлое как своеобразную «точку опоры», как средство достижения или укрепления собственного единства, оценивая события былого по «системообразующим» критериям и меркам этого сообщества, по шкале разделяемых членами коллектива жизненных ценностей (которые и превращают собрание людей в коллектив).

Налицо первое практическое применение сугубо теоретической, даже схоластической, казалось бы, концепции исторической памяти – формирование и развитие региональной идентичности. Разумеется, понятие федерального округа является во многом условным (деление на округа не совпадает ни с административно-территориальным, ни с экономическим районированием РФ), но нельзя отрицать, что в социуме существует историческое, если угодно, представление о регионах страны – и представление граждан о принадлежности к этим регионам; достаточно вспомнить такие «бытовые», конвенциональные идентификации (и самоидентификации), как «сибиряки», «дальневосточники» или «уральцы». Как уже говорилось, многие города и населенные пункты Северо-Запада являются историко-культурно-географическими брендами; с оговорками таким брендом можно признать и сам Северо-Запад, который, несомненно, обладает в коллективном сознании определенным историческим единством (так, упоминание о российском северо-западе в исторической литературе, например, у В. О. Ключевского, подразумевает совокупность конкретных территорий – Новгородчину,

Псковщину, отчасти Вологодчину, Карелию и земли нынешних Архангельской и Ленинградской областей) и который способен сделаться своего рода «зонтичным брендом» для стимулирования развития региона. Концепция исторической памяти позволяет выявлять в прошлом «локусы» региональной идентичности, на основании которых возможно формировать и способствовать формированию современного представления о едином историко-культурно-территориальном пространстве.

Второе практическое применение данной концепции – это выявление, сохранение и развитие так называемых «мест памяти». По формулировке французского исследователя П. Нора, место памяти представляет собой отнюдь не место в узком, географическом толковании; это события, люди, здания, книги – словом, все, что «окружено символической аурой» и призвано удерживать в коллективной памяти представления сообщества о себе самом и своей истории. На территории Северо-Западного федерального округа таких мест памяти великое множество (повторюсь, во многом история Северо-Запада равнозначна, если позволительно так выразиться, истории страны в целом), поэтому целенаправленная работа с местами памяти неизбежно будет плодотворной и послужит укреплению идентичности – локальной (от малой родины до более крупных географических объектов, будь то соседний город в случае с деревней или поселком, большой город в случае с малым, область, край или республика), региональной (всякое место памяти значимо постольку, поскольку оно имеет значение для широкого территориально-социального контекста) и общероссийской (совокупность «местных» мест памяти формирует представление населения страны об истории государства). В качестве примера можно привести Холмогоры: это и локальная идентичность (Холмогоры как историческое поселение, существующее минимум с XI столетия), и региональная (бывший центр Двинской земли, контакты с Новгородом), и общероссийская (гипотетическая принадлежность к скандинавской Биармии, начало торговли с Англией и далее с Западной Европой, центр

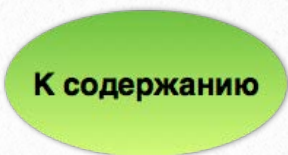
иконописи и резьбы по дереву, район происхождения М. В. Ломоносова).

Наконец, третье основное практическое «измерение» и применение концепции исторической памяти – это просвещение и воспитание. Более того, патриотическое просвещение и воспитание (в формулировке государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» – «Госпатриотпрограммы» – на 2015-2020 годы, «систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины») вряд ли возможно без всемерного содействия дальнейшему формированию и развитию исторической памяти социума на всех уровнях – от локального до общенационального. По сути, патриотизм, о котором столько говорят, затрудняясь подобрать сколько-нибудь убедительное определение (помимо сугубо эмоциональных и, если не прибегать к риторическим фигурам, бессодержательных дефиниций, наподобие «любви к родине»), и есть приобщение к исторической памяти, восприятие групповых ценностей через приобщение к местам памяти и исторической памяти как таковой и готовность эти ценности отстаивать. Как представляется, деятельности по восстановлению, укреплению и развитию исторической памяти следует уделять в этой связи приоритетное внимание.

В современных условиях, когда в пространстве социальных коммуникаций сосуществует множество версий исторического прошлого – причем значительная часть этих версий вполне можно классифицировать как попытки «переписать» историю в угоду конкретным политическим или идеологическим интересам, – усилия по формированию, укреплению и развитию исторической памяти чрезвычайно важны, и потому столь значимым видится, наряду с реализацией государственных программ в этой сфере, появление все большего числа «низовых» проектов и инициатив, предпринимаемых

энтузиастами, которые осознают необходимость таких усилий (точнее, не осознают, а, скорее, «чувствуют», ибо зачастую подобные проекты и инициативы возникают из стремления «отдать долг памяти»). На Северо-Западе подобные инициативы и проекты продолжают появляться регулярно, к ним приступают, в том числе,

совсем еще молодые люди, что не может не радовать: ведь это означает, что историческая память: а) существует (вопреки уверениям тех критиков, которые видят в ней «фикцию» и «внушенные образы»); б) жива и в) развивается. Насущная задача сегодняшнего дня – объединение усилий всех заинтересованных сторон этого процесса.

К содержанию

АЛЕКСАНДР БАЛИЧЕВ, ВЛАДИМИР РАЗБИТНОЙ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

«Говорить с молодыми на их языке»

*Александр Евгеньевич Баличев
— арт-директор проекта «Путь к
Победе 1941 — 1945»*

*Владимир Анатольевич Разбитной
— директор по проектной
деятельности проекта «Путь к
Победе 1941 — 1945»*

Ваш проект реализуется не первый год и достаточно известен, но все-таки расскажите о нем поподробнее – для тех, кто еще не знает.

В. Р. Мы создаем виртуальную интерактивную энциклопедию Великой Отечественной войны. Энциклопедия содержит в себе описания сражений, анимированные карты сражений, информацию о частях, соединениях, об их составе, технике и вооружении, униформе, о государственных структурах управления, известные личности, героях. Отдельным разделом идет «Тыл – фронту», то есть работа промышленности, сельского хозяйства в годы войны. Это именно энциклопедия, в ней содержатся ключевые данные, факты и документы. Для глубокого изучения отдельных сражений и событий есть специализированная литература, а задача энциклопедии – дать

общее представление об основных, значимых событиях военных лет, о ключевых сражениях и о политических событиях. В нашем меняющемся мире есть вещи незыблемые, не зависящие от конъюнктуры, – вот события, которые считаются в истории ключевыми, вот сражения, которые определили общий ход войны, вот политические события, например, Тегеранская конференция... И любые интерпретации здесь неуместны. Есть факт: было такое-то сражение, его исход повлек за собой определенные последующие события. Тут можно вспомнить провал харьковской наступательной операции в 1942 году, позволивший немцам выйти к Волге и Кавказу и ставший прелюдией к Сталинградской битве. Это исторический факт, есть соответствующие документы, и мы это показываем.

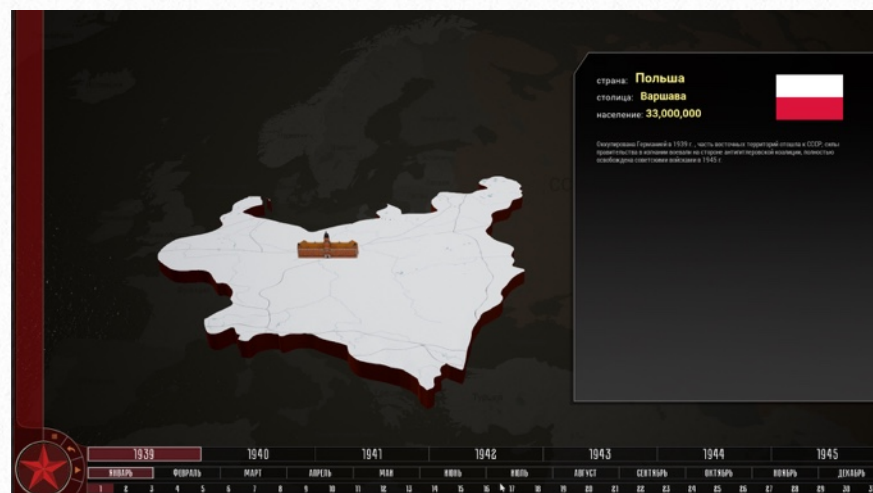
А. Б. Мы намерены показать, конечно, общий ход войны. С сентября 1939 года по август 1945 года. Основной упор делается на участии Советского Союза во Второй мировой войне, вплоть до разгрома японской Квантунской армии. Так или иначе, у нас в энциклопедии дается не глобальная, а фокусная картина войны. Да, мы показываем события с начала 1939 года по июнь 1941 года, но просто как события – даем описание точки на глобальной карте, поясняем, где, что и как происходило.

Глобальная карта – это именно общий ход войны, по сути, карта Евразии. Трехмерная карта, на которой можно увидеть основные события, страны-сателлиты Германии, страны антигитлеровской коалиции. По ним по всем можно получить краткую справочную информацию. И на этой карте представлены события политического и военного свойства. Повторюсь, до июня 1941 года показ сражений и событий пока не планируется. Но не исключено, что события 1939-1941 годов, которые предшествовали Великой Отечественной войне, и события, которые одновременно происходили на Средиземном море, Дальнем Востоке или в Атлантике, тоже будут введены в энциклопедию, - позже.

На какую аудиторию прежде всего рассчитан проект?

В. Р., А. Б. Если коротко, прежде всего – на молодежь. Старшее поколение видело войну своими глазами, ему не нужно объяснять, как все было на самом деле.

Среднее поколение – это дети и внуки тех, кто прошел войну, у них была возможность услышать от своих родственников, их однополчан, как все было. А вот молодежь такой возможности сегодня почти лишена. И на фоне того потока интерпретаций, откровенного передергивания фактов и даже прямых фальсификаций, который, к сожалению, имеет место, именно молодежи, как нам кажется, нужна достоверная информация о войне – причем на языке, который этой молодежи понятен и который она воспринимает. Но это не означает, разумеется, что энциклопедия не будет востребована у пользователей других возрастов. Между прочим, именно ветераны, именно старшее поколение нашего города стало инициатором этого проекта. Ветераны нам сказали, что хотят для молодежи реализовать вот такой проект, с применением тех информационных технологий, которые сделают исторические факты более понятными, зримыми, по-настоящему важными для молодежи.

Доводилось слышать упреки в ваш адрес - мол, это же очередная компьютерная игрушка, ведь очень похоже. Что вы отвечаете таким критикам?

В. Р. Да, действительно, внешне энциклопедия во многом похожа на компьютерные игры. Но это просто современный визуальный формат. Понятный для молодого поколения, которое привыкло к компьютерным играм типа стратегий. Этот визуальный язык хорошо отработан, и нам показалось, что стоит им воспользоваться, чтобы «зацепить» аудиторию. Конечно, мы делаем это по-другому,

выдерживаем собственный стиль, соответствующий той великой теме, к которой мы прикасаемся. Отмечу, к слову, что мы показываем сражения и события, при этом даем возможность максимального взаимодействия пользователя с контентом, другими словами, наш проект интерактивен, но речь не идет об игре. Переиграть какое-либо сражение в нашей энциклопедии невозможно. От намерений, информированности или неинформированности того, кто будет пользоваться продуктом, исход сражения не зависит. Это исторический факт, который мы стараемся показать по возможности подробно. Если нужно – по суткам изображаем, что именно происходило. Скажем, целиком все сражение – на двухмерной карте, а более подробно, какие-то элементы – на карте трехмерной.

А. Б. Вопрос на самом деле правомерный. Человек, не углубляясь полностью в концепцию энциклопедии, видит картинку, и по картинке складывается превратное мнение, что это компьютерная игра. На что мы, естественно, отвечаем, что это не игра. В первую очередь это энциклопедия, основанная на достоверных источниках, просто информация подается в новом формате. Используются самые современные технологии компьютерной графики, которые также применяются и в играх. По сути, используя игровой инструментарий, мы пытаемся донести до молодого поколения информацию на языке молодежи, по-другому сейчас нельзя. Как ни крути, это, наверное, данность на сегодняшний момент: молодое поколение с трудом воспринимает печатный язык. Даже школьная программа теперь больше ориентируется на какие-то иллюстративные материалы. Эту данность нужно принимать и учитывать в работе с молодежью. Молодые воспринимают именно визуальный ряд, гораздо лучше его запоминают, фиксируют, что произошло в тот или иной момент. В итоге у нас получается, что энциклопедия процентов на 80 состоит из графики, и историческая информация переводится на графический язык. Даже текстовая – документы представлены сканами, имеются визуальные схемы, допустим, состава частей и соединений. И мы уже имели возможность убедиться, что такая подача

материала вызывает у молодого поколения самый живой интерес, они сразу запоминают информацию.

Насколько сложным технически оказалось перенесение реалий войны в виртуальное пространство? Что вызвало наибольшие затруднения?

В. Р. Наиболее сложно собрать информацию о частях и соединениях, их боевом пути день за днем. Установить, как все происходило на самом деле на конкретном участке фронта. Достоверно установить. Зачастую на тех картах, которые публикуются в книгах, масштаб отображения – армейский. А из чего состояли эти армии, какие соединения в них входили, как они располагались на линии фронта, как перемещались – вот эту информацию приходится брать либо с отчетных карт из архива министерства обороны, либо восстанавливать по журналам боевых действий, которые приходится сводить воедино. Если коротко, информацию приходится компилировать из нескольких источников. А если учесть, что советские и немецкие карты расходятся в своих данных... Ведь сведения о противнике наносились на карту по сообщениям разведки, а эти сообщения не всегда соответствовали реальному положению дел. Поэтому приходится еще сводить советские и немецкие карты, проверять их, повторюсь, по журналам боевых действий, задействовать экспертов, ветеранов...

Чисто технически: нашли ту информацию, которую признаем достоверной, которая подтверждается разными источниками. Что дальше?

В. Р. Сначала мы определяемся с географическим районом, в котором происходила операция, подбираем соответствующие топографические карты того времени, учитывая масштаб карт. Накладываем на географическую карту в соответствующих координатах и совмещаем карты обстановки, которые мы создали. Соответственно, потом по этой карте строится ландшафт, размещаются населенные пункты, дороги, леса и реки.

Проецируется расположение частей, соединений, расставляются части, прописываются все их параметры, то есть названия, полные наименования, вышестоящее командование, которому они подчинялись — в конкретной операции. А потом, в соответствии с посуточным хронометражем их перемещений, делается анимация этих частей и их состояний — что они делают в тот или иной момент времени. Плюс расписываются параметры потерь. Стараемся вычислить, рассчитать используя различные источники, состояние дивизий, уровень потерь в операциях. Соответственно, каждая дивизия имеет такой параметр. Еще обязательно присутствует, скажем так, вид деятельности — мы показываем, чем то или другое соединение занималось в конкретный момент в ходе операции. Может, его перебрасывали по железной дороге, или оно наступало, или оборонялось. Это все отдельные анимации. Те же пехотинцы, например, не просто так передвигаются по карте; зритель даже по этому виду деятельности соединений может понять, что происходило в той или иной фазе операции.

Для населенных пунктов вы берете фотографии военных лет?

В. Р. Нет, не обязательно. Они обозначаются условно, как на обычных картах, но находятся именно там, где должны находиться, и называются так, как назывались тогда. Еще предполагается, что, если населенный пункт имеет какие-то характерные признаки, исторические доминанты, и если это крупный город, например, показывать на карте такую доминанту. Мы все привыкли, что визуально Москва — это Кремль, Ленинград — Адмиралтейство, Кенигсберг — Королевский замок, Берлин — рейхстаг. Эти элементы будут на наших картах. Причем мы стараемся их разместить более или менее точно географически: если город достаточно большой и по масштабу получается так сделать, то доминанта привязывается к своему реальному месту. Она должна быть обязательно.

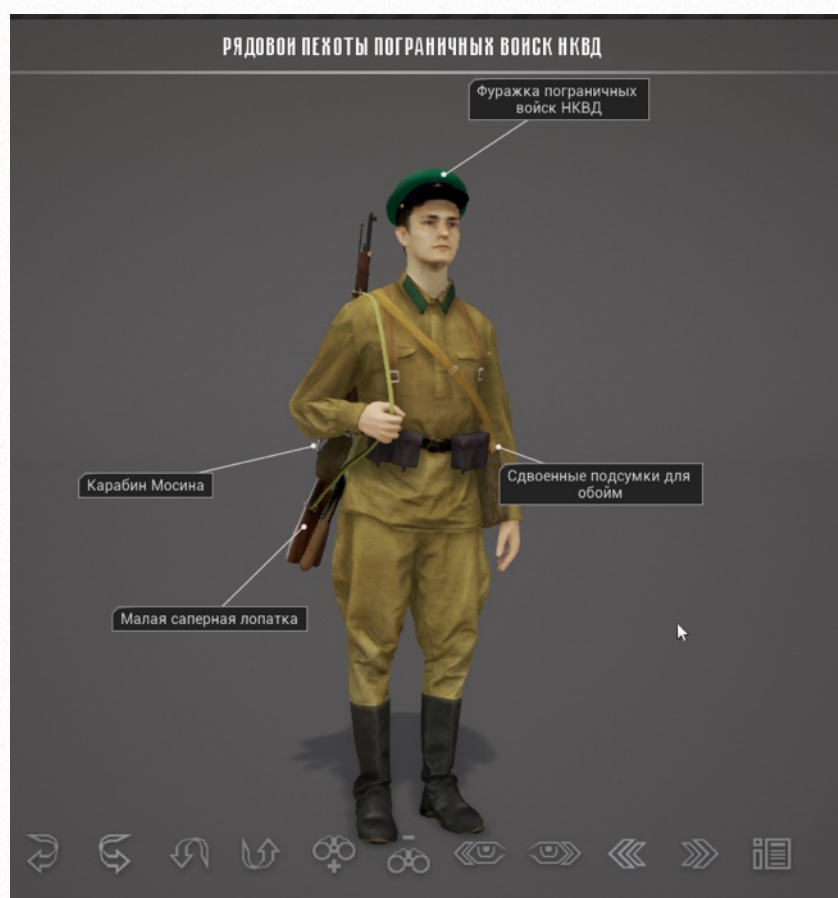
Карта боевых действий — что она собой представляет? Почему эта карта позиционируется как анимированная? В чем заключается анимация?

В. Р. Как я уже говорил, мы предлагаем зрителю сразу две анимированные карты сражений — общую двумерную и детальную трехмерную. На общей как бы оживают те тактические знаки и обозначения, которые мы привыкли встречать в книгах, — стрелки, то есть направления ударов, линии фронта и так далее. На трехмерной карте попадаешь как бы внутрь сражения, видишь, какие части, какие соединения в нем участвовали, можешь узнать их состав. Если взять печатное издание с картой, там значки-то есть, но ведь в них нельзя «войти», кликнуть, чтобы узнать подробности. И ту или иную точку географическую на карте не приблизить. Придется искать более детальную печатную карту, соотносить ее информацию с другими картами... А мы показываем все максимально наглядно, с приближением и информативно. На трехмерной карте у нас присутствуют и полноценные трехмерные модели соответствующих юнитов. Части, соединения мы изображаем реальными моделями. Все части отображаются в том виде, который соответствует конкретному периоду войны. Если это стрелковая часть, мы видим пехотинца в форме именно того года, летней

или зимней; если танковое соединение, видим модель конкретного танка, опять же, в зимней или летней раскраске. Это касается и Красной Армии, и армий союзников; армии Германии и ее сателлитов — Италии, Румынии, Финляндии. Кроме того, на подробной карте присутствуют наименования частей, кириллицей и латиницей (для иностранных войск), поэтому визуально все соединения четко определяются.

В энциклопедии есть разделы «Униформа» и «Техника и вооружение». Расскажите подробнее, как моделируются персонажи и техника в этих разделах.

В. Р. Начнем с первого. В разделе «Униформа» представлено обмундирование всех сторон - участников войны. Сейчас мы используем технологию 3D-сканирования. Мы приглашаем реконструкторов в обмундировании, делаем сканирование, по сканам создается модель, она одевается на «скелет», анимируется, и помещается в раздел, с соответствующим описанием и вооружением. Технологически это немногим сложнее, чем делать цифровую скульптуру.

И мы умеем делать такие трехмерные модели, но нам важно, что форма надета на конкретного человека, и этот человек — реконструктор, а,

значит, человек неравнодушный, для которого память о войне — это образ жизни. И форма на нем сидит правильно, для него носить эту форму — дело чести. Мы благодарны объединению реконструкторов «Эпоха», они вносят очень важный вклад в проект, их можно смело назвать экспертами в своем деле.

А где гарантия, что реконструкторы, которых приглашают, придут в «правильной» форме?

В. Р. Это специально оговаривается — какая форма необходима, какое именно снаряжение. Они подбирают. Если какого-то снаряжения не хватает, оно дополнительно моделируется и «вешается» на персонажа. Дополнительно добавляются элементы, которых не хватает. Частенько бывает, что у петлиц цвет не тот или не хватает значков и шевронов. Мы их сами дорисовываем на форме. То же с эмблемами, которые отсутствуют. Бывает, что просто не найти каких-то деталей, которые имелись на обмундировании конкретных частей. Мы берем за базу то, что есть, и добавляем необходимые элементы. По достоверным источникам, конечно, по описаниям формы, по уставам, по описаниям порядка ношения и знаков различия, которые издавались Управлением тыла Красной Армии, например.

А как моделируется техника?

В. Р. Мы воссоздаем технику по чертежам. Есть большое количество монографий, литературы специализированной, справочников, посвященных тем или иным образцам. Есть архивные описания, заводские чертежи тех или иных элементов... Мы их изучаем, подбираем те образцы, которые нам требуются. Ищем информацию, собираем из разных источников. Если информации или чертежей нет, то пытаемся найти натурные образцы. В музеях делаем фотосессии, снимаем технику, с размерными элементами. А потом создается модель. Кстати, экспонаты в музеях часто не совсем соответствуют тем образцам, которые должны быть. Выставляется техника после реставрации, после модернизаций. То есть это реально уже не то, что было в 1941 году. В стране очень много образцов

«тридцатьчетверок», якобы периода войны, но это машины, которые прошли модернизацию в 1960-х годах. Да, в частных музеях восстанавливают боевую технику, и мы стараемся по возможности туда попасть, сфотографировать. Многие детали приходится уточнять – для текстур, для фактуры.

Вообще, с технической точки зрения, есть необходимость в использовании натуральных образцов? Или достаточно чертежей, по большому счету?

В. Р. Чертежей не всегда хватает. Не всегда понятна детализировка объектов. Даже три проекции могут быть, но расположение деталей

непонятно. А на натуральных образцах можно отснять именно те элементы, которые нужны, в тех ракурсах, которые нужны, чтобы понять, как они выглядят. Кроме того, хотя у нас достаточно много документальных источников, специальной литературы, многие области не освещены достаточно подробно. Например, по артиллерии таких книг, как по танковой технике или авиации, нет.

Трехмерная техника в энциклопедии – это вся военная техника, всех родов войск? И корабли с самолетами?

В. Р. С самолетами та же история, что с танками и пушками, а корабли делаем по чертежам. Ведь единственные натурные образцы, которые сохранились, находятся либо в Великобритании, либо в Соединенных Штатах. У нас очень мало сохранилось кораблей. В основном это подводные лодки и боевые катера, причем часть уже в плохом состоянии и нуждается в реставрации. Элементы оборудования и вооружения можно найти в музейных экспозициях. В Центральном Военно-морском музее отличные экспозиции и документы. У нас сложилось очень позитивное сотрудничество с музеем, с руководством, с экспертами, и мы им очень благодарны за поддержку. А крупных кораблей вообще не осталось – к сожалению, их все порезали на металлолом.

Поэтому приходится восстанавливать по фотографиям, по чертежам, по каким-то описаниям. Опять-таки, надо искать фотографии на конкретный временной период. Потому что корабли, которые пережили войну,

потом проходили, как правило, модернизацию. И весьма отличались от своего вида в годы войны.

Расскажите, пожалуйста, кратко – если такое возможно, конечно, – о самом процессе трехмерного моделирования.

В. Р. Подготовка высокополигональной модели с большим количеством деталей занимает, естественно, большое количество времени. Речь не только о создании самой модели, но и последующем текстурировании, ведь задача состоит в том, чтобы сделать ее максимально реалистичной. Модель должна быть максимально похожей, узнаваемой, иметь те признаки, которые ее отличали, характерные именно для данного образца или для данной модификации. Тех же «тридцатьчетверок» существует больше десятка возможных вариаций. Здесь мы выбрали четыре основных, наиболее часто встречающихся.

Учитывая нынешнее повальное увлечение военной техникой, нельзя не спросить вот что. Не опасаетесь ли вы упрека со стороны всевозможных энтузиастов в том, что вот здесь затвор не так расположен?..

В. Р. Мы стараемся таких грубых ошибок не допускать. Но, возможно, у каких-то энтузиастов будут претензии по размеру «заклепок» и их расположению. Мы обоснованно принимаем те, или иные решения. Выбирается основной какой-то элемент, потому что у тех же танков выпуска разных заводов многие элементы могли различаться. Берется какой-то один вариант и моделируется.

Обилие трехмерной графики требует достаточно серьезных аппаратных ресурсов для воспроизведения, как планируется распространять энциклопедию? В каком формате? И будет ли она общедоступной?

В. Р. Наша задача как раз и состоит в том, чтобы сделать энциклопедию максимально доступной по ресурсам. Сейчас применяется обычный «игровой» компьютер: процессор типа i7, игровая карта среднего уровня – то, на чем

обычно играют дети. По возможности мы, конечно, будем делать дополнительную оптимизацию за счет оптимизации графики – через возможность настройки качества графики непосредственно в самой энциклопедии. Пользователь сможет задавать режим самостоятельно. Предусмотрены разные варианты графических настроек, которые позволят оптимизировать работу.

Это касается только «трехмерности»? Или кинохроники и прочего видеоконтента тоже?

В. Р. Нет, это касается именно компьютерной графики, трехмерных моделей и тому подобного. Остальное для современных процессоров и компьютеров - не слишком большая нагрузка; да и сами модели по отдельности не настолько ресурсоемкие. А вот карты... Нам хочется максимально расширить круг людей, которые смогут воспользоваться энциклопедией. Не у всех есть игровые машины последнего поколения, с мощными ресурсами. Если честно, то у меня дома энциклопедия работает на «игровом» ноутбуке трехлетней давности. Он не самый мощный, но вполне прилично пока идет.

А что касается распространения?

В. Р. Планируется создать рабочий портал в интернете, с которого энциклопедию сможет скачать любой желающий. Причем не только основной продукт, но и дополнения, которые обязательно будут выходить. Все апдейты будут скачиваться с портала и устанавливаться.

Как это будет выглядеть технически? Вот, у меня есть базовая версия...

В. Р. Да, есть базовая версия, есть стартовый элемент, так называемый лаунчер, который при запуске проверяет наличие обновлений, скачивает их и устанавливает автоматически. Здесь тот же типичный подход, как к программам, как в случае многих компьютерных игр. Всем известные офисные программы так устроены: автоматически проверяется наличие обновлений, есть апдейт – скачивается, устанавливается, и всё. Конечно, желателен широкополосный Интернет, потому что потребуется достаточно большой объем данных скачивать. Сейчас базовая версия энциклопедии занимает 2-3 Гб. В перспективе объем «дорастет», наверное, до 7-8 Гб. Понимаете, дело не только в картах и моделях. Есть ведь, например, кинохроника – она в более или менее нормальном качестве занимает довольно много места. «Ужась» ее, конечно, можно, но она тогда будет не достаточно качественной, а это неправильно. Приходится допускать увеличение объема.

Подобный проект вряд ли возможно реализовать только собственными силами. С кем вы сотрудничаете, оказывают ли проекту поддержку общественные организации и государственные структуры?

В. Р., А. Б. Помогают и поддерживают на самом деле очень многие. В большой степени, как нам кажется, это связано с тем, что проект воспринимается как народная инициатива, в которую каждый может внести свой вклад - знаниями, умениями, материалами, финансами, административной и организационной поддержкой. Всего и не перечислить. Пожалуй, по степени вовлеченности можно в определенной мере сравнить наш проект с «Бессмертным полком»; он постепенно превращается во что-то столь же массовое и искреннее.

У истоков проекта стоял и стоит Владимир Яковлевич Ходырев, который не понаслышке знает, что такое Великая Отечественная война. Без него проект, вполне возможно, забуксовал бы в самом начале, но этот человек способен

расшевелить и заразить своими идеями кого угодно.

Что касается государственных структур, огромную поддержку нам оказывают прежде всего Представительство Президента РФ в Северо-Западном Федеральном округе, ее просто невозможно переоценить. Полпредство в Центральном Федеральном округе очень конструктивно нам помогает, и, конечно, с самого начала и постоянно поддерживает администрация Санкт-Петербурга. Ведь наш проект в каком-то смысле можно назвать ленинградским, питерским, но в целом он, конечно, уже перерос масштабы города и даже региона, стал федеральным по своему значению. Об этом, в частности, говорил А. Н. Губанков, начальник департамента культуры МО, светлая ему память, который тоже очень большую поддержку оказывал проекту.

Общественные организации можно перечислять очень долго. Назовем лишь те, которые внесли наибольший вклад. Это – Санкт-Петербургская организация ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов (Совет ветеранов), патриотический молодежный проект «Оборонная тропа» Михаила Михайловича Боброва, ветерана войны и почетного гражданина Петербурга, и Совет ветеранов Москвы. Нельзя не назвать наших друзей и партнеров — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Центральный военно-морской музей, Военно-медицинский музей МО РФ, ФГБУ «Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина» и Российскую национальную библиотеку. Особая благодарность Архивному комитету Санкт-Петербурга, который обеспечил нам доступ в архивы с бесценными документами. Сейчас подключаются общественные организации из других регионов тоже.

О финансовой стороне проекта пока сложно говорить. Скажем только, что мы подаем заявки на гранты, но очень рассчитываем на поддержку коммерческих структур, поскольку прекрасно понимаем, что собственными силами такой проект – в том виде, в котором он сейчас воплощается – нам уже не потянуть.

Допускает ли проект наличие региональных версий энциклопедии? Скажем, какой-либо субъект РФ захочет получить трехмерную версию событий войны на своей территории. Возможна ли такая локализация или проект не предусматривает подобных дополнений?

А. Б. Разумеется, региональные версии допускаются. Это могут быть специальные издания энциклопедии, посвященные конкретному событию, которое, возможно, не является важным, определяющим для хода войны в целом, но было ключевым для региона. Или это событие растянуто во времени, не имело граничных рамок. Например, те же арктические конвои. Как единое событие, они «растянуты» на всю войну. Нам видится, что показ такого события может быть особенно интересен Архангельской и Мурманской областям. А для Ленинградской области подобное событие – Дорога жизни. Вполне можно сделать специальное издание, посвященное всем этапам строительства и работы этой дороги: тут и железная дорога, и автомобильная, и обе навигации, и две ледовых трассы...

Если мы говорим о готовой версии энциклопедии на портале, эти «региональные» версии пользователи из других регионов тоже смогут получить?

А. Б. Здесь все зависит от согласования, от позиции заказчика. Если та или иная региональная администрация захочет, чтобы показ такого «регионального» события был только в ее музеях, значит, так и будет. В любом случае, первоначальная инициатива ведь

будет исходить от региона, который пожелает «локализовать» какое-то событие военных лет. Значит, региону и решать.

Каковы планы проекта в текущем году?

А. Б. На этот год у нас запланирована реконструкция Сталинградской битвы, от обороны Сталинграда на дальних подступах до боев в городе и до контрнаступления Красной Армии. Это операции «Малый Сатурн», «Уран» и «Кольцо». Есть ряд сложных задач, которые нужно решить. Во-первых, сам по себе это очень большой регион. Трудности с построением ландшафта заключаются в том, что нынешняя география заметно отличается от той, что была в годы войны: не существовало, например, многих водохранилищ, которые есть сейчас, изменились русла рек, появились после войны каналы. Приходится искать старые градостроительные планы и карты. Не забывайте, прежний Сталинград-Волгоград был практически полностью разрушен в ходе войны. Соответственно, город изрядно перестроили. Еще не хватает четких и подробных карт дивизионного и бригадного уровня, о чем уже говорил Владимир. Словом, все равно приходится заниматься изысканиями, надо «поднимать» всю информацию по журналам боевых действий, по отчетным картам, нашим и немецким, по архивам...

Также в этом году мы планируем вернуться к началу войны, к боям на Белостокском выступе, переработать наш ранний релиз, сделать его апдейт с обновленным интерфейсом. Мы также продолжаем работу по наполнению разделов энциклопедии. Будем пополнять разделы выдающихся личностей, униформы, техники и

вооружения. В разделе «Части и соединения» покажем более подробно и наглядно организационную структуру соединений ермахта и Красной Армии в 1941–1942 годах. Будут описания боевого пути соединений и их структура, как в двумерной, так и в трехмерной графике.

Впереди еще очень много работы, но это больше, чем работа, это теперь стало нашей жизненной задачей. И решать ее нам помогают очень многие люди.

К содержанию

СЕРГЕЙ МАРКОВ (КОБОНА, ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ)

«Кобона – настоящая столица Дороги жизни»

*Сергей Владимирович Марков -
заведующий частным музеем
«Дорога жизни. Кобона -
Кареджский порт».*

Когда говорят о Дороге жизни, чаще всего подразумевают трассу по льду Ладожского озера и сухопутный участок от западного берега Ладоги до Финляндского вокзала Ленинграда. Восточный берег озера, его населенные пункты и события, которые там происходили, известны гораздо меньше. Расскажите, пожалуйста, о значении Кобоны для Дороги жизни.

Не хвастаясь и не преувеличивая, могу сказать, что Кобона была столицей Дороги жизни. Но не сразу она ею стала, такое значение она приобрела, наверное, с марта 1942 года, потому что до того момента Кобона была транзитным пунктом на этой дороге. Говоря о Кобоне, мы подразумеваем все-таки несколько населенных пунктов на восточном побережье: это – Лаврово, Кобона, Леднево, Черное.. Когда

блокада началась, естественно, никто не предполагал подобного развития событий, и здесь не было создано никаких перевалочных баз, никаких портов. Кроме того, немцы вышли к Тихвину, захватили его, были перерезаны все железные дороги, идущие в глубь страны. И поэтому Кобона была транзитным пунктом на этом участке. После же освобождения Тихвина и восстановления железнодорожного сообщения до Войбокало и Жихарево и Ленинграду стало легче, и основными перевалочными пунктами стали Войбокало и Жихарево: Жихарево – людской поток, а Войбокало – грузоперевозки. А после строительства в феврале-марте 42-го железной дороги от Войбокало до Кобоны сюда пошел грузовой поток, появились складские базы в Кобоне, на берегу Ладожского озера. Так Кобона стала своеобразной столицей Дороги жизни.

То есть Кобона начала развиваться с началом второй навигации?

Нет, с подготовки к этой навигации. Изначально задача ставилась в 1942-м, после начала работы ледовой трассы, требовалось сократить автомобильный участок на Дороге жизни. От Кобоны автомобильный участок трассы составлял, грубо говоря, 32 километра. Этот участок чаще всего и подразумевают, говоря о ледовой трассе. Машины доезжали до Кобоны, здесь разгружались, людей отвозили либо в Жихарево, где формировались эшелоны, либо в Кобону: здесь, в храме Николая Чудотворца, им оказывали первую помощь, осматривали, более жизнеспособных отправляли дальше, а тех, кто мог не перенести эту дорогу, распределяли по госпиталям в районе Кобоны, по эвакуационным пунктам. Причем каждый дом работал как эвакуационный пункт, люди набирались сил, кто-то оставался здесь работать, кто-то эвакуировался в глубь страны. В марте началось строительство порта в Кобоне и подготовка к навигации 1942 года; собственно говоря, в это время и создается Кобона как такой огромный перевалочный пункт.

Как возник музей Дороги жизни в Кобоне - как родилась идея, откуда появлялись

первые экспонаты, кто был инициатором создания?

Как возник музей? В общем-то, случайно. В 2011–2012 годах здесь была построена база отдыха, которая открылась в 2013-м. На базу надо было привлекать посетителей. А чем привлечь народ на базу на берегу озера? Ну, рыбалка здесь хорошая. Но одной рыбалки явно мало. Владельцы базы и их друзья занимались дайвингом, так возникла мысль о погружениях, в частности, к затонувшим объектам на дне озера. Начали искать места, где есть такие затонувшие объекты, разыскивать их координаты и данные по документам. Главным инициатором всего этого был Сергей Складчин.

Со временем нашлись 13-15 крупных объектов, в основном автомобили, в том числе легендарные полуторки, а также ЗИС-5, баржа-«блокадница», железнодорожные цистерны. Понемногу начали поднимать и, что называется, втянулись... А уже потом пришла мысль насчет собственного музея. Первыми экспонатами стали различные предметы времен Великой Отечественной войны со дна озера – оружие, каски, снаряжение. В марте 2014 года подняли первую машину-«полуторку», в августе – еще одну. В том же году, накануне дня Победы, поднятый со дна озера и восстановленный грузовик ГАЗ-АА установили как памятник на берегу канала, где начиналась ледовая трасса.

Откуда приходили первые посетители? Как они узнавали о музее? Что их прежде всего интересовало? Повысилась ли посещаемость Кобоны с началом работы музея?

Первыми посетителями были друзья, знакомые и посетители базы. Профессиональные экскурсоводы находили нас случайно. Была дама, которая очень много сделала, провела семинар для туристических фирм, их владельцев, менеджеров – целый автобус привезла. После этого, можно сказать, сюда поехали какие-то туристические машины, автобусы. В основном узнавали о музее, наверное, из уст в уста, народная молва. Очень многих интересует история...

Всех посетителей можно разделить на несколько категорий. Первая – ветераны, те, кто проезжал по Дороге жизни, дети блокадного Ленинграда и дети жителей блокадного Ленинграда. Их, естественно, интересует само место. Одна женщина, например, рассказывала: меня эвакуировали по Дороге жизни, и я хочу понять, где это было. Соответственно, я спросил, когда ее увозили, и она сказала – 24 мая 1942 года. Около полуторки мы стояли, и я говорю, вот на это место вы, скорее всего, ногами и перешли. Потому что уже не на машинах возили на станцию Жихарево, а непосредственно на причал высаживали, а дальше пешком до храма Николая Чудотворца.

Многих посетителей помоложе, возрастом около 40 лет, интересует, где работали, где служили их дедушки, бабушки, родители. Все-таки у нас, практически у каждого, наверное, у девяти из десяти посетителей кто-то работал на Дороге жизни или эвакуировался по ней, либо в жил блокадном Ленинграде. Практически у всех, кто приезжал, возникало понимание, где люди работали, в каких условиях... Многие оставляли отзывы: мол, вот теперь, когда они побывали у «Разорванного кольца» и приехали в Кобону, они понимают, как шла Дорога жизни.

А детям здесь нравится, дети сюда приезжают. Во-первых, это местные ребята, из Выстава. Они здесь уже свои, сами уже могут проводить экскурсии – знают, где что лежит. Детям нравится то, что у нас в музее все экспонаты действительно можно трогать. Можно взять каску, покататься на машине, залезть на паровоз. Можно покрутить колесо у полуторки. Можно зайти в реставрационную мастерскую.

Можно сделать вывод, что место становится популярным. Оно входит в какой-либо туристический маршрут?

Надо понимать, что весь этот музей, по большому счету, пока личная инициатива. Мы столкнулись с тем, что хотя Кобона доступна – дорога нормальная, добраться несложно, – она малоизвестна, мест показа пока еще мало, нет специализированного маршрута, который был бы утвержден на каких-то уровнях. Скажем, в комитете по туризму Ленинградской области, или в министерстве культуры. Есть официальные маршруты в Волхов, в Новую Ладогу, в Старую Ладогу, и экскурсионные группы едут туда. Отворот на Кобону – 22 километра, соответственно, «крюк» 44 километра получается, туда-обратно. Экскурсия занимает час-полтора. Два, если осматривать всё. То есть в целом где-то три часа. Включить это время в какой-то уже существующий маршрут – практически невозможно. А разработать свой – честно, сил не хватает.

Да, были попытки разработать маршрут по Дороге жизни, но почему-то все они заканчивались «Разорванным кольцом»,

начинались от первого километра в районе Ржевки и упирались в Ладожское озеро. До Кобоны ни один официальный маршрут не проложен, хотя вроде бы работал целый Институт культуры, который в Питере. Они 5 маршрутов разработали, была презентация, приезжали сюда, я провез их на машине по всем возможным местам показа, рассказал, что делается, почему это значимое место. Тем не менее, на выходе оказалось, что все маршруты заканчиваются «Разорванным кольцом» или, в лучшем случае, диорамой «Прорыв блокады Ленинграда» под Кировском.

А какова ситуация с туристической привлекательностью Кобоны после появления музея?

Посещаемость Кобоны после начала работы музея, наверное, да, выросла. Не могу сказать, что сильно, но на глаз народа побольше. Туристическим объектом Кобона еще не стала, потому что потока пока нет. Если взять «Разорванное кольцо», то там туристический поток – сумасшедший. К примеру, в 2015 году была федеральная программа, в рамках празднования 60-летия Победы около 9 тысяч школьников побывали в Санкт-Петербурге и проехали по Дороге жизни. До «Разорванного кольца». Максимум, куда они доехали по этому маршруту, – до диорамы и Невского пятачка. До Кобоны не добрался ни один ребенок из этих 9 тысяч.

Но вот недавно на федеральной трассе поставили указатели дорожные, коричневые. Это областная программа, расстановка дорожных указателей. Теперь есть указатели на храм Николая Чудотворца и на музей «Кобона –

Дорога жизни». Инициативная группа в Шуме хотела поставить у поворота на Кобону информационные щиты, но в областном комитете по культуре засомневались, а не испортят ли эти щиты исторический вид памятника (полупорке в Дусьево). А там ведь останавливается достаточно много машин. Огромное количество экскурсионных автобусов – практически все автобусы, которые едут в Новую Ладогу. Если экскурсанты будут выходить из этих автобусов и видеть информационные щиты с указанием, что здесь есть и кафе, и базы отдыха, и места показа, мемориалы, существуют музеи, то, может быть, в следующий раз импульс пойдет от народа. Потребитель будет приходить в туристические компании и говорить – хочу съездить в Кобону. А у туристических компаний нет маршрута. Тогда им потребуется разрабатывать маршруты.

Конечно, сюда должны приехать, все-таки, специалисты, прописать маршрут, по минутам, привести экскурсоводов, подготовить их. Многие экскурсоводы не готовы вести экскурсионные маршруты по Дороге жизни, по этой стороне озера – информации мало.

Это же целая наука по разработке маршрутов – четкий хронометраж, определенная карта, в каком месте о чем говорить, что рассказывать, какое количество информации выдавать. Знаете, одновременно нырять на баржу-«блокадницу», заниматься хозяйством, еще экскурсии проводить – это сложно, действительно сложно. По-хорошему, нужна полная инфраструктура – туристическое агентство, автобусный парк и т.д. Есть предприятия, которые этим всем обладают. Им просто надо дать продукт, который можно продавать.

А в отличие от того же «Разорванного кольца», у нас есть все то, чего нет там. Есть пункты питания, есть туалеты, есть места показа. По большому счету, всё готово. Нужен толчок, чтобы это развить. Значит, требуются специалисты, которые увяжут технологическую карту, проработают маршрут и прикинут, сколько он может стоить. Короче, нужен комплексный подход.

По вашим оценкам, меняется ли отношение молодых людей к событиям войны после посещения музея и знакомства с его экспонатами?

Да, меняется, конечно. Даже маленькие дети, класс третий-четвертый... Вот недавно дети

приезжали, сельская школа в полном составе – 5 автобусов, 200 человек приехало. И из этих 200 человек процентов 10-15-20 тянут руки и говорят: у нас бабушка-дедушка-прабабушка-прадедушка были на войне, на Дороге жизни, водителями, на паровозах работали... Начинают что-то сами рассказывать, тут же другие подхватывают – «а у меня тоже!» Я говорю, так, дети, давайте, сюда привозите, нам нужны документы, нам нужна эта информация. Да, говорят, мы поможем. Забудут, наверное, со временем, но здесь интерес, желание есть. Кто-то пытается рассказать о своем дедушке, тут же начинает другой рассказывать, и даже, может, кто невнимательно слушает в этот момент, потом начинает включаться и тоже вспоминает о том, что где-то слышал, что в семье есть медаль какая-то, не важно, за Дорогу жизни или за Псков... У детей, особенно когда они включаются, когда берут какую-то деталь в руки, экспонат, у них возникают ассоциации, правильные ассоциации... Вообще, с детьми бывает интереснее, чем со взрослыми.

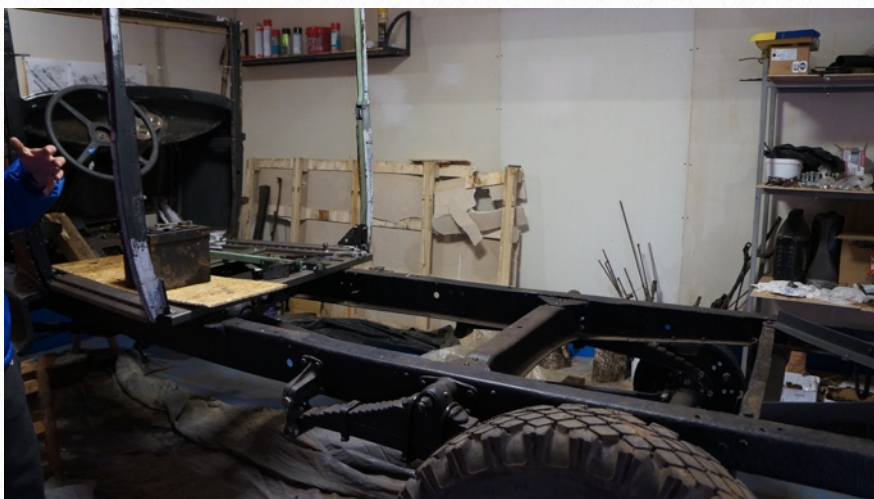
А в сентябре прошлого года 30 воспитанников детских военно-патриотических клубов пешком, в форме курсантов 1936 года, в портянках, сапогах, с винтовками Мосина, в касках, с вещмешками, без всяких гаджетов современных, за три дня прошли 50 километров от Новой Ладogi до Кобоны, по берегу. У них интервью брали для телевидения, они довольно искренне об этом рассказывали, вряд ли кто-то им писал текст. Паренек 12-летний, самый младший из них, ноги натер. Шел, старался,

чистил котлы, стоял на часах, охранял лагерь. Он говорил, что у него дедушка работал на Дороге жизни, ездил по этому маршруту, и только сейчас пацан понял, каково это было.

Думаю, этот ребенок через всю жизнь пронесет такое понимание – что дедушка у него был героем, хотя у дедушки, может, нет наград. Два раза они ночевали в лесу, а в лесу – звери бегают, лоси всякие. На них даже напали близ Кобоны «диверсанты». Руководители этой группы, взрослые, рассказывали, что дети настолько вжились в роль, что немцам навалили от души, те все в синяках были... «Немцев» взяли в плен и накостыляли по шее. Эти дети настолько вжились... Я представляю: три дня идти по лесу, в форме, ноги натерты, а тут еще какие-то диверсанты!

Вы занимаетесь и восстановлением техники военных лет. Расскажите об этом поподробнее.

Восстановление техники для нас – что-то вроде хобби. Вот когда наш механик сказал, что он двигатель полуторки, со дна поднятой, завел, появился кураж. Мысль возникла – а куда бы этот двигатель поставить? Начали чистить детали, пришло понимание того, что многие предметы со дна, вплоть до аккумуляторов, – они рабочие! Спидометры, амперметры, генераторы, стартеры... Вплоть до электрооборудования – всё можно поднять и восстановить. Тогда возникло желание доказать – самим себе, наверное, – что это может ездить. И показать людям. Вот главный экспонат музея...

Кстати, а какой это экспонат? И чем он так важен?

Наш самый-самый экспонат – полуторка ГАЗ-АА, поднятая со дна, полностью восстановленная и на ходу. Не так давно появилось понимание, кстати, насколько уникальный это образец. Ведь очень много машин восстановлено – есть такая компания, например, по 20 машин в год восстанавливает. Есть много объявлений в Интернете – мол, продается полуторка. Но наша полуторка, наверное, единственная из всех, которые где-либо «засветились», о которой можно сказать, что она действительно ездила по Дороге жизни, возила хлеб и другое продовольствие, вывозила людей, затонула, была поднята – и поехала опять. Про любую полуторку можно сказать: похожая машина работала по Дороге жизни. Про нашу полуторку мы смело говорим, что именно эта полуторка ходила по Дороге жизни. И это огромная ценность. В деньгах оценить практически невозможно.

Можно оценить в деньгах, сколько стоило восстановление, можно посмотреть в Интернете, сравнить цены на ходовые полуторки... Но вот то, что именно эта полуторка ездила по Дороге жизни, оценить уже невозможно. Между прочим, у нее синие фары. Светомаскировка. Когда технику выставляли на Дворцовой площади, многие ко мне подходили, говорили, что таких фар не было во время войны! Я говорю: как не было? Я их поднял, сам поднял со дна, выкопал из ила. И у нас еще есть заднее стекло от полуторки, с царапинами явно от котелка – читали, наверное, что водители, чтобы не уснуть в рейсе, специально вешали в кабине котелки с железками всякими... Котелок качался, дребезжал, о стекло терся, оставляя царапины на стекле...

Еще скоро восстановим ЗИС, вот он тоже будет самый-самый.

Оказывают ли помощь в работе музея государственные и общественные структуры? Какие именно?

Да, помогают. Из крупных назову Водоканал. Метрострой вроде бы изъявляет желание, ведь Метрострой занимался организацией «большой» Дороги жизни, много метростроевцев погибло, на оборонных работах и на строительстве. Для них это – личное, цеховая гордость. Еще РЖД помогло с памятником железнодорожникам. Паровоз – их подарок, и у нас теперь есть экспонат, который можно тем же школьникам показать воочию: вот такой паровоз огромный ходил по тому берегу и для таких паровозов пытались построить мост через Ладожское озеро. Потому что когда рассказываешь о паровозах, не все могут размеры представить, а когда видишь живую эту громадину, метров пять высотой и весом двадцать пять тонн... И РВМО, конечно, у которого есть желание развивать «наше» направление, восточный берег Ладоги.

Местные власти... Была у нас встреча с главой администрации, с Витько Андреем Петровичем, мы озвучили желание создать в Кобоне военно-исторический центр Дороги жизни и развивать эту территорию. Глава сказал, что не возражает и готов всячески

помогать. Сейчас налаживаются связи. И с администрацией области контакт есть...

Знаете, мы всем чиновникам говорим, что нам не требуется финансирование. Нам нужна административная помощь. Даже иногда распоряжения не надо, достаточно только головой кивнуть, чтобы дело пошло...

И вот что еще. Участвует в восстановлении техники и создании музея огромное количество людей, готовых помочь. Кто-то физически, кто-то финансово. Многие, например, готовы благоустраивать территорию. Понимаете, многие из этих энтузиастов, кто готов помогать, хотят, чтобы плоды их помощи остались во времени. Чтобы они могли привести своих детей и сказать: здесь есть частичка того, что я сделал. Это тоже очень важно. Таких людей много. От государства нужно, по большому счету, только этот процесс возглавить...

Каковы планы по развитию музея? И какая роль в этих планах отводится государственной поддержке?

Планов – громадье. Ближайшие планы – строительство храма в Вероле. Мы получили благословение владыки Мстислава, епископа Тихвинского и Лодейнопольского, на восстановление храма и на создание духовно-патриотического центра-музея и музея водителей Дороги жизни. Добиваемся разрешения начать восстанавливать, хотя бы оградить территорию. Сейчас ищутся документы о внешнем убранстве храма,

планировке, планировании территории. Насчет государственной поддержки – надеемся. На понимание. Принцип участия добровольный, и государство – тоже один из участников, добровольных. Может быть, мы еще сами не до конца понимаем, чего хотим от государства и что государство может дать.

Каким вы видите музей, скажем, через 5 лет?

Будем развивать гостиницу, конференц-залы сделаем, чтобы здесь конференции проводить, посвященные Дороге жизни.

Та инициативная группа из Шума, о которой я раньше упоминал, предлагает в Дусьево создать музей госпитальной службы, там в войну полевой госпиталь был... В целом думаем о маршруте от станции Войбокало, откуда шла железная дорога, до Кобоны. Получается – Войбокало, госпиталь в Дусьево, Выстав, аэродромный комплекс в Ратницах, мы... И будет маршрут «Неизвестная Дорога жизни».

К содержанию

ЕКАТЕРИНА ШАДСКАЯ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

«Серебряное ожерелье России» – успех неизбежен

*Екатерина Валерьевна Шадская -
директор Северо-Западного
регионального отделения
Российского союза туриндустрии.*

На протяжении многих десятилетий Северо-Запад России остается одним из важнейших туристических направлений в стране. Межрегиональный туристский проект «Серебряное ожерелье России», инициированный Министерством культуры на основе концепции «Серебряного кольца», - шанс в полной мере реализовать огромный потенциал федерального округа в сфере туризма и вывести отрасль на принципиально иной уровень.

Очевидно, что на туристическом рынке в силу ряда причин произошла переориентация спроса и внутренний туризм получил значительный импульс в своем развитии – едва ли не впервые с советских времен. Насколько это заметно на Северо-Западе?

Заметный рост организованного внутреннего туризма начался в 2015 г., многие чиновники и отраслевые СМИ его даже характеризовали как «взрывной». В 2016 г. динамика роста туропотоков уже несколько меньше, но рост все равно существенный. К примеру, по статистике компании «Воздушные Ворота Северной Столицы», которая управляет аэропортом

«Пулково», в прошлом году пассажиропоток на внутренних направлениях увеличился на 20%, и в принципе число внутрироссийских маршрутов возросло.

Позитивные результаты в последние два года отмечают почти все регионы Северо-Запада. Само собой, очень динамично растет турпоток в Санкт-Петербург – «туристскую столицу России», а петербуржцы, в свою очередь, много путешествуют по Ленинградской области. Прочные лидерские позиции заняла Карелия – отдых в республике популярен как зимой, так и летом. Стабильно на 15-20% в год растет Вологодская область в целом и один из главных центров зимнего туризма в стране – Великий Устюг. Калининград – в пятерке самых популярных российских авианаправлений из Пулково. Все больший интерес вызывает горнолыжный туризм в Мурманской области. Республика Коми и Ненецкий автономный округ, при всех объективных сложностях привлечения гостей, не стоят на месте, активно формируют новые продукты этнографического и событийного туризма.

Так что Северо-Запад, бесспорно, «почувствовал вкус» к развитию туризма, и мы, как своеобразные «посредники» между госорганами и турбизнесом, видим здесь взаимное желание сотрудничать, чтобы рост продолжался.

Какие виды туризма преобладают на Северо-Западе? Меняются ли и как предпочтения туристов?

У Северо-Запада очень богатый и разнообразный туристский потенциал, что, кстати, создает отличные возможности для комбинированного отдыха. У части регионов приоритетный профиль – это культурно-познавательный туризм: Санкт-Петербург, Новгородская, Псковская, Вологодская области. Если говорить о Мурманской области, Карелии, Коми – это во многом природный, приключенческий и активный туризм. Почти в каждом регионе можно найти увлекательные предложения по этнографическому и событийному туризму. Растущая популярность здорового образа жизни стимулирует развитие санаторно-курортного комплекса, СПА-отдыха.

В целом, в поездках по Северо-Западу в каждом регионе без исключения можно открыть его разнообразные грани – именно в СЗФО находятся восемь из 24 объектов на территории России под защитой ЮНЕСКО – и природные, и рукотворные.

Если мы говорим о десятилетиями отработанных туристских маршрутах культурно-познавательного характера, то люди, конечно, предпочитают проверенные предложения. Это, конечно, закономерно, потому что если ты приезжаешь в Санкт-Петербург, то не можешь не побывать в Эрмитаже, не посмотреть Царское Село. Плюс «обкатанные» региональные маршруты (например, Псков – Печоры – Изборск – Пушкинские Горы) стоят дешевле за счет отработанных технологий приема туристов, там редко бывают проблемы с размещением, во многих местах достигнут хороший уровень сервиса...

Потребность в новых объектах появляется, когда начинает расти возвратность: люди стремятся открыть что-то новое в знакомом, увидеть город или территорию с другой точки зрения. Даже в Петербурге с его существенным турпотокom возвратность небольшая, и потому новые объекты (музей Фаберже, музей-макет «Петровская акватория», музей современного искусства «Эрарта»), конечно, находят свое место в программах туров, но очень постепенно. С другой стороны, регионы на месте не стоят. Вот Ненецкий автономный округ взял и при помощи туроператоров сформировал оригинальный уикенд-турпакет «ЧУМовые выходные» – с размещением в настоящем чуме! В определенном смысле работает импортозамещение: вместо коттеджей в Финляндии бронируют размещение в Ленобласти; в Мурманскую область вместо Норвегии поехали туристы за северным сиянием – не только россияне, но и китайцы, немцы.

Новому турпродукту, конечно, требуется время на «раскрутку», но если он сформирован качественно, результат рано или поздно будет: Рускеала – ярчайший пример того, как новая туристская достопримечательность по числу посетителей сравнялась со всемирно известным комплексом на о. Кижы. Новое и любопытное, безусловно, создается и пользуется спросом,

пускай, может быть, и не таким высоким, как стандартные туры.

В этой связи уточняющий вопрос: РСТ учитывает в первую очередь организованных туристов или самостоятельных тоже?

Конечно, мы занимаемся в большей степени организованными туристами, потому что членами нашего Союза являются, прежде всего, туроператоры. «Единственно верные» статистические данные получить, пожалуй, невозможно, особенно в сфере внутреннего туризма. Если пересечение иностранцами границы в обязательном порядке фиксируется государственными органами, то по российским туристам приходится брать сводные данные – ночевки в гостиницах, пассажиропоток на внутренних рейсах, число купленных билетов в музеи... С учетом того, как развиваются, например, сервисы бронирования квартир и апартаментов, мы всегда видим скорее общую картину, а не стопроцентно верные цифры.

И как изменяется соотношение организованного и неорганизованного, самостоятельного туризма?

Знаете, на мой взгляд, 2016 год показал, что пока больше все-таки организованных туристов. Если в 2015-м был замечен рост числа самостоятельных путешественников (по некоторым оценкам, до 50% самостоятельных от общего количества), то в этом году больше организованных туристов.

Связано это, наверное, с тем, что по отдельным направлениям, не слишком «раскрученным», не слишком известным, турист вряд ли поедет самостоятельно. Он все-таки хочет подстраховаться и поехать с организатором. В регионах до многих объектов просто не добраться на общественном транспорте. При этом и крупные федеральные туроператоры, и региональные игроки среднего размера как раз работают над новыми маршрутами и предложениями, обкатывают технологии, делают туры тиражируемыми... В определенном отношении положение туроператоров по внутреннему туризму выглядит относительно устойчиво на фоне той

неравной борьбы с самостоятельными путешествиями, которая идет на выездном рынке.

Главная достопримечательность СЗФО – это, несомненно, Санкт-Петербург и его окрестности. Здесь все на слуху, достаточно рекламы, стабильный туристический поток. Насколько хорошо отечественный турист представляет себе другие локации Северо-Запада и что делается для их популяризации?

Благодаря общему информационному фону вокруг внутреннего туризма, программам Федерального агентства по туризму, активной позиции региональных властей и турбизнеса люди стали интересоваться внутренним рынком, изучать его. Запущен портал Russia.travel, где, в том числе, можно получить и качественную информацию по регионам Северо-Запада. Конечно, рекламы никогда не бывает много. К тому же, регионам нужно правильно выбирать целевые аудитории. К примеру, для Ленинградской области Санкт-Петербург – это самый главный рынок, но насыщенность картины мира среднего петербуржца информацией о достопримечательностях соседнего региона довольно маленькая – нужно больше наружной рекламы, спецпроектов вроде «Хочу в Гатчину», освещения потенциала Ленобласти в городских СМИ и т.д.

Сейчас модно говорить о событийном туризме как мощном инфоповоде, который автоматически привлекает людей: не территория делает событие, а вроде как событие делает территорию. Не готова с этим согласиться: пока, на мой взгляд, событие для туриста – «вишенка» на торте туристической привлекательности. Но события хорошо работают на возвратность: там-то мы были несколько лет назад, а теперь поедem на фестиваль/реконструкцию и заодно досмотрим то, чего не увидели в первый раз.

В общем, при продвижении нужен обдуманый подход. Иногда необходимо, например, делать акцент на сезонность. Скажем, в том же Великом Устюге инфраструктура не поспевает за потоками, и восприятие из-за этого у путешественников

несколько иное. Смотришь отзывы туристов, приехавших в новогодние праздники: хочется с Дедом Морозом пообщаться поближе, подольше, а из-за многолюдья немножко теряется чувство праздника... Зато те, кто приезжает ближе к весне, остаются в восторге. Маркетинг должен работать не только на посещаемость дестинации в целом, но и на равномерное распределение потоков по году, чтобы все оставались довольны.

Можно ли говорить о том, что растущий спрос на путешествия по стране заставляет туркомпании разрабатывать новые маршруты, вести краеведческую работу, предлагать авторские программы и т.п.? Или же организованным туристам предлагаются преимущественно те туристические продукты, которые разрабатывались еще в СССР?

Когда туристы приезжают в тот же в Санкт-Петербург, они, как правило, хотят стандартный пакет – побольше самого города, дворцовой части, ведущих мировых музеев. Большая часть туристов не всегда еще готова к новациям. К тому же, все-таки набор ключевых достопримечательностей в каждом регионе понятен – вряд ли турист готов жертвовать Эрмитажем ради Музея варежки, а водопадом Кивач ради Музея лишайников под Сортавалой.

Я бы сказала, что по тем самым «обкатанным» маршрутам, про которые говорилось выше, «каркас» турпакета остается более-менее неизменным, обновляются лишь объекты второго-третьего порядка, которые показывают, потому что они оказались на пути. Но при этом люди, конечно, заинтересованы в новых маршрутах, достопримечательностях («незаезженные» монастыри, дворянские усадьбы, промышленные объекты). Чтобы сделать новый турпродукт, особенно вне Петербурга, нужны, конечно, отличная идея, значительные инвестиции и большое количество энергии – но практика показывает, что все возможно!

Зонтичный бренд «Серебряное ожерелье» - это развитие идеи «Золотого кольца», своего рода «северный ответ» центру? Или, так

сказать, современный вариант пути «из варяг в греки»? Какие регионы СЗФО он охватывает?

«Серебряное ожерелье» – это, по большому счету, продвижение Северо-Запада в целом. Если вспомнить «Золотое кольцо», это не совсем аналог, хотя, конечно, идеи перекликаются. В «Золотом кольце» есть перечень городов или даже объектов, и посещение их и вправду географически «закольцовано».

А вот в случае «Серебряного ожерелья» мы говорим сразу об 11 регионах Северо-Запада, которые закольцевать невозможно и нереально. Так что и концепция получилась другой, и от кольцевой структуры участники проекта пришли к другой идее: вот у нас «Серебряное ожерелье», и каждая частичка этого ожерелья – жемчужина.

В рамках проекта разработано и уже представлено достаточно большое количество направлений. Но это – направления, а не маршруты! Многие их путают, но на практике сначала формируются общие направления, а затем они уже «нарезаются» на конкретные маршруты. В большинстве своем эти маршруты уже какое-то время существуют, сейчас к ним добавляются новые. Главная цель проекта – привлечение через новый устойчивый бренд внимания к Северо-Западному региону, его масштабным и разнообразным туристическим возможностям, которые бы заинтересовали разные категории путешественников.

Здесь мы опять возвращаемся к параллели с «Золотым кольцом». «Золотое кольцо» на слуху, и соответственно, хотелось бы сделать то же самое для Северо-Запада?

Да, зафиксировать в сознании российских и иностранных туристов взаимосвязь регионов Северо-Запада на, можно сказать, идеологическом уровне. А дальше уже человек сам выбирает, куда он хочет на Северо-Западе поехать, ищет турпакет либо едет туда самостоятельно.

Проект продвигается, уже есть реальные результаты. В 2016 г. был разработан и утвержден единый брендбук «Серебряного

ожерелья» – идея получила визуальное воплощение и прописанный алгоритм по его применению. Сейчас бренд вправе использовать органы власти регионов СЗФО, вошедшие в проект, впоследствии это смогут делать и туроператоры-партнеры. Летом прошлого года состоялась серия пресс-туров по городам Северо-Запада, «Ожерелье» получило очень хорошую огласку в массмедиа. Готов промо-ролик, где выразительно показаны самые привлекательные объекты и особенности регионов Северо-Запада для туристов.

Следующий шаг – создание некоммерческого партнерства «Серебряное ожерелье», которое возьмет на себя дальнейшую системную работу по проекту. В него войдут своими подведомственными учреждениями органы власти регионов СЗФО и туроператорские компании, которые смогут использовать логотип «Серебряного ожерелья» на своей рекламно-маркетинговой продукции.

Как «Золотому кольцу» понадобились годы, чтобы стать узнаваемым брендом, так и работа по продвижению «Серебряного ожерелья России», по сути, только началась. Все участники проекта – реалисты, они понимают, что появление бренда не означает кратный рост турпотока каждый год. Но мы начинаем с узнавания, с формирования интереса – и будем корректировать проект в зависимости от того, какие шаги и инструменты в его рамках окажутся наиболее успешными.

Чем привлекательно «Серебряное ожерелье» для регионов СЗФО? Что может дать участие в проекте конкретному региону?

Администрации всех 11 регионов СЗФО принимают активное участие в реализации этого проекта. Они отлично понимают его потенциал, ведь привлечение внимания к своему региону – это и дополнительные деньги в бюджет, и возможные инвестиции. Интерес у органов власти в регионах большой, и они работают по проекту в плотном взаимодействии с туроператорским сообществом.

Координатором проекта выступает Вологодская область. Пока готовится к запуску официальный сайт «Серебряного ожерелья»,

информация о проекте представлена на официальном туристском портале региона.

При министерстве культуры РФ создан комитет по импортозамещению, который в том числе инспектирует туристические маршруты, в частности маршруты «Серебряного ожерелья». Эксперты (представители крупных туроператорских компаний) выезжают по представленным регионом программам, знакомятся с существующей туристской инфраструктурой, впоследствии озвучивают рекомендации по улучшению каких-либо аспектов маршрута.

Распространен стереотип, что одно из главных препятствий для развития внутреннего туризма – это слабая инфраструктура и некачественный сервис. Как бы Вы сегодня оценили их уровень на Северо-Западе?

Инфраструктура начинает улучшаться, когда не только власти всего региона, но и районные администрации, муниципалитеты понимают, что туризм – это реальный вклад в экономику территории. Для этого, конечно, должно пройти время. По Северо-Западу, даже без учета Санкт-Петербурга, уровень сервиса разнится: иногда даже на территориях, где туристов принимают уже много лет, обслуживание оставляет желать лучшего, а строящиеся с нуля комплексы, наоборот, предлагают вполне европейское качество отдыха. Поле для деятельности здесь очень большое – в том числе и в рамках «Серебряного ожерелья».

Чем привлекательно участие в проекте для туристических компаний? Допустим, у фирмы уже есть маршрут из сетки «Серебряного ожерелья», по которому она возит и водит туристов. Что даст этой компании присоединение к проекту?

На сегодняшний момент существует реестр туроператоров, которые реализуют туры по регионам «Серебряного ожерелья», и предлагаемых ими турпродуктов. Любое продвижение Северо-Запада для операторов, которые продают эти маршруты, имеет значение, поскольку интерес туриста напрямую

влияет на спрос. Когда начнет работу некоммерческое партнерство «Серебряное ожерелье», туроператоры смогут к нему присоединяться, на определенных условиях используя бренд проекта в своих рекламных кампаниях.

При этом нужно сформировать эффективную и справедливую систему взаимодействия между федеральными туроператорами, у которых есть технологии массовой продажи туров, и региональными игроками, которые знают рынок и качественно эти туры формируют. Полагаю, здесь должно быть взаимовыгодное партнерство: местная компания должна формировать туры, а крупный туроператор может выступать в качестве турагента, вкладываясь в продвижение турпродукта и реализуя его через свои региональные сети по всей стране.

Каковы ближайшие планы проекта? Что будет сделано в этом году и к чему нужно стремиться?

На международной туристической выставке «Интурмаркет-2017» проект «Серебряное ожерелье России» будет впервые представлен объединенным стендом. Как можно скорее хотелось бы запустить портал проекта, начать его популяризацию и среди профессионального туристского сообщества, и среди конечных потребителей – потенциальных туристов. Необходимо поставить на регулярную основу пресс- и инфо-туры для журналистов и туроператоров по маршрутам «Серебряного ожерелья».

Продвижение – это основная задача проекта: привлечь внимание к Северо-Западному региону через максимально широкий перечень инструментов – СМИ, Интернет, участие в выставках, выезды творческих коллективов под брендом «Серебряного ожерелья», через использование этого бренда на продукции, которую регионы производят.

Можно ли сказать, что для современной российской истории «Серебряное ожерелье» как бренд региона – первый проект подобного рода? Именно для глобального региона, в масштабах округа. Ведь,

насколько известно, продвигались отдельные территории, а округ в целом никто еще продвигать не пытался?

Да, «Серебряное ожерелье России» стал первым по-настоящему межрегиональным культурно-туристским проектом, о старте которого заявили министерство культуры и Ростуризм. Сейчас таких проектов больше («Русские усадьбы», «Великий Волжский путь» и т.д.), но с точки зрения практической реализации «Ожерелье», конечно, лидирует. В определенном смысле оно «прокладывает путь» для воплощения в жизнь остальных туристских мегапроектов.

Конечно, сложности есть, в том числе концептуальные: нельзя Северо-Запад, в отличие от «Золотого кольца», объединить только темой культурно-познавательного туризма. В итоге была сознательно выбрана идея «ожерелья», чтобы четко показать, что в этом огромном регионе, в Северо-Западном федеральном округе, доступны все направления туризма. Думаю, что в любом случае бренд «Серебряное ожерелье» ждет успех, потому что все участники процесса – власть, бизнес, экспертное сообщество – этого очень хотят и прилагают все возможные усилия.

К содержанию

СТАНИСЛАВ НИЗОВ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Краеведение в Ленинградской области – сложный путь к себе

Станислав Александрович Низов – исполнительный директор Ассоциации краеведов Ленинградской области.

Богатейшее историческое и природное наследие Ленинградской области составляет основу деятельности краеведов, способствует развитию издательско-просветительской и музейной деятельности, увеличению интереса к краеведению и истории родного края среди жителей и гостей области, повышению уровня патриотизма жителей области и развитию регионального туризма для гостей из регионов России и из-за рубежа.

Краеведение в XX веке

Краеведение в Ленинградской области имеет богатые традиции. Первые краеведческие организации нашего региона создавались еще до революции. А 14 апреля 1925 г. было основано Ленинградское общество изучения местного края (ЛОИМК), входившее на правах региональной краеведческой организации в Центральное бюро краеведения РСФСР.

Расцвет краеведческой деятельности был связан с тем непродолжительным периодом истории, когда прежние государственные устои были разрушены революцией, а новые еще

окончательно не сформировались. Большое количество специалистов, оставшихся в Советской России, нашли применение своим богатым знаниям на профессиональной почве краеведения.

Тогда же появился общероссийский научно-методический центр краеведческой работы – Центральное бюро краеведения (ЦБК) при Академии наук. ЦБК имело на местах свои отделения, областные бюро краеведения. Регулярно издавались краеведческие журналы и сборники. В середине 20-х годов 250 краеведческих организаций имели свои издания. Многие сегодняшние краеведы называют этот период «Золотым десятилетием советского краеведения».

В 1930 г. краеведение было введено в программы вузов. В 1931 г. создается Общество краеведов-марксистов. Но общим недостатком краеведения в 1920–1930-е гг. было то, что ЦБК и его органы на местах стремились заниматься сразу всем, не деля краеведение на географическое, историческое и т. п.

В конце 1930-х годов начался разгром краеведения, заниматься им в нашей стране стало опасно. Краеведов в эти годы обвиняли во многих грехах – в попытке организации заговора против Советской власти вместе с академиками-историками С. Ф. Платоновым и Е. В. Тарле, в связях с учеными-экономистами и «врагами народа» А. В. Чаяновым и Н. Д. Кондратьевым и т.д. Столь суровые обвинения объяснялись тем, что краеведческое движение в 1930-е годы перестало вписываться в официальную идеологию и политику.

Краеведение – это движение с демократическими традициями, дающее знания населению без «руководящих указаний» и минуя официальные каналы. В целом краеведы стали, как говорят сегодня, инакомыслящими. В 1937 г. были ликвидированы ЦБК, его центральные издания и областные бюро.

Краеведение в стране практически остановилось. Была утрачена самая сильная его сторона – массовость.

В последующие годы краеведение то оживало, то снова уходило в небытие, окончательно зачахнув в период перестройки и умерев вместе со многими хранителями истории своей малой родины в 1990-х.

Современная ситуация

Сейчас ситуация во многом иная. Мы внезапно спохватились и поняли, что еще немного – и наша культура уйдет навеки во тьму небытия. Началось возрождение интереса к предмету. Причем не навязанное властями, а истинно народное, идущее от самых сердец. И множество энтузиастов пытается найти и сохранить ту частицу родной истории, которая ему наиболее близка. Возрождение краеведения идет от самого сердца народа, как реакция на потерю национальной самоидентификации, как проявление жажды поиска своих корней в истории и культуре родного края. Часто скромные начинания групп энтузиастов-краеведов оборачиваются значительными результатами для всего местного сообщества. Краеведы создают частные музеи и выставки, поддерживают сохранившиеся памятники и архитектурные объекты, издают книги и статьи, проводят фестивали и этнографические праздники, организуют военно-патриотические вахты и реконструкции. Движение обретает силу и пользуется все возрастающим интересом у окружающих. Недаром академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, вставший во главе этого движения в 1980–1990-е годы, в книге «Краеведение как наука и как деятельность» отмечал: «Краеведение может стать в той или иной местности самым массовым видом науки. Оно, в силу специфики изучения предмета, требует от человека неравнодушного отношения».

На сегодня в Ленинградской области краеведческое сообщество насчитывает около 150 человек, причем их число постоянно растет. На помощь опытным краоведам, занимающимся архивной работой и фундаментальными исследованиями, приходят молодые и энергичные люди, увлеченные историей родного края и обладающие новыми технологиями поиска и организации выставочного процесса и деятельности.

Возникают некоммерческие общественные организации и просто группы людей, объединенных интересом к родной истории. Они на собственные средства начинают организовывать музеи и выставки, делают множество публикаций в СМИ и соцсетях, еще больше усиливая таким «вирусным» образом интерес к краеведению.

Хочется отметить, что губернатор и правительство Ленинградской области активно помогают движению. При их участии в декабре 2015 г. прошел первый Форум краеведов Ленинградской области.

В 2016 г. Ассоциация краеведов Ленинградской области при поддержке правительства Ленинградской области провела первую краеведческую игру для школьников области «Наше наследие». Итогом игры можно признать огромный интерес и воодушевление, вызванное начинанием среди не только организаторов, в числе которых были Русский музей, Центральная детская библиотека Ленинградской области, общественные организации и краеведы, но также и среди

самых участников игры – школьников. Можно отметить, что большинство из них отлично знало родную историю.

Что это дает?

Если взглянуть на вопрос с практической точки зрения, то интерес властей понять несложно. Ведь активное продвижение краеведческой темы в СМИ и соцсетях, блогосфере и через иные современные варианты «сарафанного радио» уже подняло внутрирегиональный туризм. Даже с поправкой на кризис, увеличение потока туристов в Ленобласти заметно. Компетентные источники приводят цифры в 2,2 млн. человек в 2016 г., что существенно больше, чем в 2015 г. А это средства, остающиеся в бюджете!

Культурная жизнь Ленинградской области способна привлекать десятки тысяч туристов. В районных и туристских центрах во все времена года проводятся всевозможные фестивали, светские и религиозные праздники, выставки народных промыслов, театрализованные постановки, военно-исторические реконструкции. Практически все районы Ленинградской области обладают значительным потенциалом развития культурного, этнографического, историко-патриотического, экскурсионного и событийного туризма.

Значимость таких факторов, как туризм и краеведение, очень трудно переоценить. Туризм и краеведение в целом способствуют накоплению опыта регулирования взаимоотношений между туриндустрией и объектами культурного наследия. В результате такого союза исторические объекты не только сохраняются, но и возрождаются к новой жизни. Во многих европейских государствах принимаются законодательные, организационные и информационные меры, используются новые технологии для дальнейшего развития туризма и краеведения и экскурсионно-познавательного направления в целом.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ

Проблема этнографического туризма может заключаться в объективно существующем противоречии между социально-культурным потенциалом, которым обладает туризм как форма организации этнографических туров, и недостаточной реализацией этого потенциала в практической деятельности турфирм. В то же время Ленинградская область, как место взаимопроникновения большого количества культур различных народов, способна привлечь большое число туристов за счет развития этнопоселений и разработки этнографических краеведческих маршрутов и экскурсий.

ИСТОРИКО-ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ

В последние годы появилась тенденция к возрождению историко-патриотического туризма. Множество наших сограждан отправляются в самостоятельные или организованные путешествия по военно-историческим местам, местам героической славы и памяти наших предков. Подобный интерес может стать связующим звеном между военно-историческими и краеведческими обществами, с одной стороны, и искателями патриотической истории – с другой. В историко-патриотическом туризме Ленинградской области заложен огромный потенциал развития, так как наша земля на протяжении столетий являлась ареной многочисленных исторических противостояний.

СОБЫТИЙНЫЙ ТУРИЗМ

Совсем недавно возникший событийный туризм начал занимать прочное место в жизни Ленинградской области. В первую очередь он связан с военно-историческим движением реконструкторов, проводящих свои мероприятия на территории области. Кроме того, многочисленные фестивали, массовые праздники, этнокультурные и исторические мероприятия вызывают огромный интерес у наших сограждан и иностранцев.

КУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ

Одно из направлений свободного времяпрепровождения, которое прочно засело в сознании населения, – культурный туризм.

Как правило, отдых в Ленинградской области обязательно насыщен посещением различных достопримечательностей:

Гатчинский дворец, Выборгская крепость, Тихвинский Успенский монастырь и т. д.

Мы уверены, что краеведческий потенциал способен заметно расширить традиционные культурные маршруты и придать гораздо больший смысл и интерес обычным экскурсиям.

Помимо вышеперечисленного, хочется упомянуть еще такие появившиеся не слишком давно тренды, как гастротуризм, агротуризм и экотуризм. В разработке этих направлений кроется огромный потенциал. И это можно рассматривать не только как популяризацию региона, но и как отличный инвестиционный инструмент, который способен привлечь бизнес при условии поддержки со стороны областного правительства. Ведь, в конечном счете, это выгодно всем.

К содержанию

ВЛАДИМИР БУДЬКО (СЛАНЦЫ, ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Деньги есть, но не про нашу честь, или Сказ про то, как альтернативно одаренные из соседнего города делают сланцевское краеведение

*Владимир Иванович Будько –
сланцевский краевед и
общественный деятель*

Кто ясно мыслит, тот ясно излагает. Рыба, как известно, гниет с головы, а потому нельзя историю делать и писать на коленке. В Сланцах местные авторы-краеведы нежданно-негаданно подпали под «интеллектуальное рейдерство» исследователя В. В. Аристова из соседнего

Кингисеппа. Это, естественно, никому не нравится и не может понравиться, но все почему-то делают вид, что ничего особенного в деле разрушения сланцевского краеведения не происходит.

Ничтоже сумняшеся, Аристов заключает один за другим договоры с городской библиотекой, сумма которых от общественности скрывается. Здесь, собственно, кроется основная «коллизия» сланцевского краеведения, к которому ни с того, ни с сего вдруг «воспылали любовью» люди из Кингисеппа.

По некоторым сведениям, приблизительно за год-два ему удалось заключить 4 договора на написание книг, две из которых называются «Альманах». В первом альманахе услужливый «редактор» зачем-то дал интервью наших чиновников и стихи местных пиитов. Все это вкуче называется концепцией и даже озвучено на сайте ведущей библиотеки Санкт-Петербурга.

Концептуально-стилистическая безвкусица сопровождается весьма сомнительным дизайном и иллюстрациями какого-то самодеятельного художника все из того же славного Кингисеппа. Натурные фотографии этого альманаха по определению специалистов и вовсе сделаны «на бегу», в буквальном смысле – на «мыльницу».

Эта по-своему организованная в Кингисеппе схема писания на потоке «показушных» книг вызывает всеобщее возмущение, которое благополучно гасится СМИ.

Лично я, как автор с многолетним стажем, теперь стал нежелательным гостем на страницах двух местных газет и на местном телевидении. Остается промышлять в интернете, где я веду в социальной сети «ВКонтакте» сразу несколько краеведческих групп. Спасибо, как говорится, за предоставленную возможность хоть как-то высказывать свои мысли и за шанс довести до заинтересованного читателя хоть что-то из имеющихся материалов.

Историческая какофония создается штрейкбрехером от краеведения, который никогда не бывал в реперных точках нашего района и берет информацию больше из открытых источников.

Люди из Кингисеппа никак не поймут, что они сланцевчанам в плане истории не нужны. Свою историю мы уж как-нибудь напишем сами, а то, что они нам дают в виде своих «пассажей», часто с ошибками, не имеет никакого личностного аспекта, который

непременно должен быть в каждом краеведческом труде.

Как издевательство над здравым смыслом звучит помпезное вступление ко второй книге Аристова «Прошлое и настоящее Сланцевского района как часть истории Принаровья и России»:

«Автор [Аристов] постарался создать не просто историко-краеведческое издание, но воплотить в жизнь художественную летопись, открывающую новые грани истории прекрасных древних земель на берегах Плюссы, Наровы и Луги...».

В связи с этим следует напомнить, что река Луга, имеющая в истории Кингисеппа, вероятно, весьма важное значение, которое нам безразлично в принципе, сланцевчанам, как объект истории, не известна вовсе. Она протекает лишь по северной границе района, и на ней нет ни одной сланцевской деревни. Мне, например, такие деревни не известны.

Далее во вступлении пишется:

«Сланцевская земля всегда была и остается территорией с мощными трудовыми, хозяйственными ресурсами».

«Мощные ресурсы» стагнирующих Сланцев, о которых пишется в этом отрывке, очевидно, наши четыре сланцевые шахты, которые были затоплены в ходе перестройки. Возможно, что под «мощными ресурсами» автор имел в виду и наши совхозы, не существующие по факту сегодня. Там в свое время были уничтожены тысячи голов скота, в связи с чем в Сланцах прекратил работу мясокомбинат, а за ним и молочный завод. Население Сланцев за годы перестройки и после нее уменьшилось с 45 тыс. чел. до 35 тыс.

Совсем уж кощунственно звучит остатняя часть победной «преамбулы»:

«Сланцевский район – это небольшая, но стойкая и терпеливая часть могучей Ленинградской области, с волнением и радостью встречающая день рождения нашего славного региона» (!). Тут прямо-таки хочется выругаться.

После такого вступления стоит ли вообще читать сладкоголосую книгу, плод вольной аналитики Аристова, без всяких ссылок и профессиональных рецензий?

Путешествиями по району и натурными исследованиями новоявленному «редактору» заниматься некогда, и потому его книги никак не привязаны конкретно к нашим реалиям. В них нигде толком не поминаются наши погосты, не отмечены и наши многочисленные книжные источники по церквям, которых написано было в свое время на удивление много. По всем из них есть соответствующие исследования, но вот по книге человека из Кингисеппа создается такое впечатление, что наши предки все были атеистами и церковь в их жизни не имела никакого значения.

В книге Аристова, кстати, даже не упомянуто единственное сообщение Псковской летописи об одной из наших деревень. Этим сообщением мы все, в принципе, очень гордимся, но какой же это знаток нашего края, который не заглядывал в псковские летописи?

История – это не бизнес, а кровная память наша, наш исторический престиж. У нас, между прочим, жили родственники Лермонтова, Грибоедова, Шишкова, Муравьева-Карского и Чавчавадзе, у нас бывали в имении Дружинина Тургенев, Некрасов и Григорович. Из наших мест была родом супруга Иоанна Кронштадтского, и он сам неоднократно приезжал на Гдовщину, и, по некоторым сведениям, батюшка однажды посетил даже погост Поля, а это уже современная территория города Сланцы.

Возвращаясь к проблемам исконно сланцевского краеведения, истории местной, без всяких на то «регионоведческих» инсинуаций и откровенного шулерства, скажу, что у нас с 70-х гг. прошлого века не обновлялась экспозиция Сланцевского историко-краеведческого музея, который давно уже не отвечает реалиям времени. За десятилетия существования музея здесь ни разу руководством не ставилась задача составления хотя бы мало-мальского буклета по фондам. Обшарпанный музей уже давно требует кардинальной реконструкции. К нему нет нормального подъезда, а козырек над витринами рухнул в незапамятные времена. Что творится внутри, писать не решаюсь. Пусть с этим делом разбираются специалисты.

Мне кажется, для музея прежде всего следует искать новое помещение и расширить

его смысловой статус, присовокупив к нему художественную галерею, например, и тот же Дом крестьянского быта. Для реального пополнения экспозиции экспонатами времен СССР следует предусмотреть в статусе музея не только особый функционал «города шахтеров и химиков», но и вменить в обязанность сотрудникам функцию сбора бытовых предметов недавнего прошлого, дабы посетители могли видеть воочию, как жили их родители, деды и прадеды на протяжении всего XX в.

В районе при этом сохранились чудесным образом (в Загивье, Старополье, Вискатке и Новоселье) школьные музеи при сельских школах, которые с самого своего основания тоже ждут хотя бы какого-то финансирования и грантов на описание фондов. Этим музеям давным-давно нужны оборудование, технические средства, учредительные документы о статусе, в которых должно быть прописано все, в т.ч. взаимодействие сельских музеев с Историко-краеведческим музеем Сланцев. Ведь в школьных музеях без должной атрибуции и охраны находится все, вплоть до неолитических топоров, средневековых копий и пулеметов последней войны.

Система боится краеведа, его мышления боится и устоев. Он слишком много помнит и знает из прошлого, и ум его фиксирует все, что надо и не надо, в то же самое время, как СМИ и педагоги формируют в сознании обывателя образ Сланцев в виде «Города солнца». Городу, как и везде, сегодня «катастрофически» необходим человек, функционал которого можно бы было условно обозначить как «разъездной архивист». Это задача государственного масштаба, которую надо когда-то решать.

Краеведение – это не переписывание открытых источников, это описание, прежде всего, того, что можно увидеть собственными глазами, пощупать в буквальном смысле руками. Тогда только и вяжется незримая нить между прошлым и будущим. Администрации области надо постоянно и плотно стимулировать реальное краеведение, по факту – «передовой край» исторической науки. Давно пора писать большую и малую историю малой нашей родины.

Пора, давно пора прекратить практику издания т.н. «красивых» книг, которые стоят десятка книг, сделанных много скромнее, рангом поменьше, которые будут содержать истинные новации, которых ждет публика. Надо почаще печатать книги, которые стоят на грани сенсации. Они, эти сенсации, есть везде, буквально – в каждом городе или селе.

Надо создать в области, да и по всей России, особую программу «бюджетной книги», когда узкорегionalное исследование издается в мягкой обложке за небольшие деньги. Только таким образом мы издадим все, что написано дотошными краеведами в нашей многострадальной области. И не надо нам «прикрываться» известными памятниками, зная прекрасно, что есть у нас и заброшенные дворцы, и разрушенные храмы. Вот где непочатый клад историй, а не в сотый раз рассказанный-пересказанный фонд памятников, вроде Ладоги, Гатчины, Пушкина, Выборга и Ивангорода. Сколько можно «мусолить» об одном и том же, из года в год?

Не могут никакие корреспонденты, менеджеры, фотографы, да и самые навороченные дизайнеры заменить вдумчивую, по сути – научную работу профессионального краеведа, историка, который живет на грани фола десятилетиями и которому за подвиг его надо по факту – платить, а не смотреть на него непонимающими глазами.

Надо дать, наконец, возможность краеведу читать на платной основе лекции в школах, техникумах и библиотеках, поддерживая его труд материально. Надо утвердить соответствующий почетный знак «Краевед Ленинградской области», и это важно. Люди, пишущие летопись страны, никак у нас не отмечены властью. Позор!

Пора-таки, пора предусмотреть в бюджете области специальные траты на исторические изыскания конкретных искателей, а не нанятых щелкоперов. Краеведение в годы советской еще власти считалось по праву передовым фронтом науки. Пора нам в очередной раз собирать разбросанные камни истории...

К содержанию